

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

ДЕЛО «МАТЫЦИНА против РОССИИ»

(Жалоба № 58428/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г.СТРАСБУРГ

27 марта 2014 года

Настоящее постановление вступило в силу 27 июня 2014 г. Текст может подлежать редакционной правке.

По делу «Матыцина против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:
Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,
Юлия Лаффранк,
Пауло Пинто де Альбукерке,
Линос-Александр Сицильянос,
Эрик Мос,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи*,
а также Андрэ Вампаш, *Заместитель Секретаря Секции*,
Проведя закрытое заседание 4 марта 2014 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой (№ 58428/10) против Российской Федерации, поданной в Суд 22 сентября 2010 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданкой Российской Федерации Матыциной Вероникой Викторовной (далее – «Заявительница»).

2. Интересы заявительницы были представлены Карповой Е., адвокатом, практикующим в г. Хабаровске. Интересы Властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявительница, среди прочего, утверждала, что признание ее виновной в совершении преступления было результатом непредсказуемого толкования норм уголовного права, и что судебное разбирательство по ее делу было несправедливым.

4. Жалоба была коммуницирована Властям 14 декабря 2011 года.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

А. Инцидент, связанный с С.Д. (апрель – июнь 2002 года)

5. Заявительница, 1971 года рождения, проживает в г. Хабаровске.

6. В 1997 году Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Иркутской области была зарегистрирована некоммерческая организация «Искусство жизни» (далее - «Организация»). Цели данной организации, изложенные в ее уставе, включали «пропаганду социальной адаптации», популяризацию здорового образа жизни, помощь людям в стрессовых ситуациях и улучшение социальных и семейных отношений. На практике деятельность организации заключалась в проведении тренингов, лекций, личных консультаций и т.п. Участие в «программах» организации предлагалось всем заинтересованным лицам бесплатно, несмотря на то, что приветствовались добровольные пожертвования участников для поддержки деятельности организации. Организация также издавала множество брошюр, содержащих информацию о ее целях и основных принципах. В брошюрах давались пояснения того, что организация руководствуется учениями Шри Шри Рави Шанкара, духовного лидера современной Индии. По информации, содержащейся в одной из брошюр, участие в программах организации помогло бы их участникам побороть бессонницу и депрессию, укрепить сердечно-сосудистую систему, контролировать эмоции и повысить иммунитет.

7. Организация осуществляла свою деятельность без лицензии. 2 февраля 2001 года организация обратилась в Комитет по физической культуре, спорту и туризму администрации Хабаровского края с ходатайством о выдаче лицензии. В феврале, в неустановленный день, Комитет подтвердил, что организации не требуется лицензия для осуществления ее деятельности, указав следующее:

«... Вид Вашей деятельности, [а именно] семинары по йоге с применением положений тела (асан) хатха-йоги, бхакти-йоги и крийя-йоги (практикование крийя-пранаяма, т.е. ритмического дыхания в разных темпах) не относится к категории видов спорта или укрепляющей здоровье гимнастики и не числится во Всероссийском реестре видов спорта».

8. Весной 2002 года С.Д., которая на то время училась на третьем курсе Иркутского педагогического института (далее - «Институт»), записалась на базовую программу организации - семинар «Исцеляющее дыхание». Она записалась вместе со своей сестрой-близнецом, Н.Д. Заявительница была одним из «инструкторов» организации, отвечающих за данную программу. Курс включал элементы йоги, специальные дыхательные упражнения, пение мантр, медитацию, прослушивание музыки, ароматерапию и другие подобные практики. Участникам рекомендовалось соблюдать определенную диету и выполнять упражнения дома. Заявительница утверждала, что с 1994 года она сама регулярно выполняла упражнения дома.

9. В апреле 2002 года С.Д. и ее сестра начали ежедневно посещать тренинги, проходившие в помещении организации. С.Д. добровольно пожертвовала организации 700 рублей (около 20 евро). По окончании

этого курса С.Д. предложили усовершенствованный курс под названием «Вечность», который вел другой инструктор, М.С.

10. На определенном этапе С.Д. начала испытывать серьезные психологические проблемы. Ее мать позвонила в организацию и обвинила инструкторов в том, что они превратили С.Д. «в зомби». По словам заявительницы, ее мать, являющаяся рьяной православной христианкой, не одобряла интерес дочери к группе, которую она называла «сектой».

11. По словам матери С.Д., по окончании тренингов девушка стала страдать от галлюцинаций и видений, отдалилась от семьи, пропускала занятия в институте и почти полностью отказалась от еды. 27 июня 2002 года мать С.Д. вызвала дочери скорую психиатрическую помощь; врач сделал укол, но это не помогло. Спустя некоторое время С.Д. потеряла сознание и была госпитализирована.

12. В последующие месяцы С.Д. госпитализировалась несколько раз. Первоначальный диагноз был «реактивный психоз». Позже врач охарактеризовал состояние ее психического здоровья как «шизоидное расстройство в результате стресса». Стороны расходились во мнениях относительно того, было ли психическое расстройство С.Д. достаточно серьезным, чтобы характеризовать его как «шизофрению» согласно классификации психических расстройств, используемой в России; последующие заключения экспертов расходились по данному поводу.

13. По словам врачей клиники, в которой проходила лечение С.Д., на психическое состояние ее здоровья повлияло ее участие в программах организации, которая указана в записи, сделанной в медицинской карте, как «секта». Позже в записях ее медицинской карты указывался «религиозный» характер ее галлюцинаций. После того, как С.Д. поступила в клинику, было проведено внутреннее расследование, по завершении которого врачи пришли к выводу, что состояние ее психического здоровья было «религиозного и оккультного характера», вызванное ее участием в программах организации.

14. В 2003 году организация прекратила свою деятельность из-за проблем с финансированием.

15. В последующие годы диагноз С.Д. менялся несколько раз; в 2009 году врачи пришли к заключению, что она страдает шизофренией.

Б. Расследование преступления; заключения экспертов, полученные сторонами

1. Психиатрическая экспертиза в отношении С.Д. (25 июля 2003 г., заключение № 1170) и возбуждение уголовного дела

16. 24 июля 2003 года следователь УМВД по Хабаровскому краю допросил С.Д. в связи с расследованием произошедших событий в апреле-июне 2002 года. Согласно ее показаниям, организация получала деньги от участников программы, что программа состояла из дыхательных техник, прослушивания записей с голосом гуру и других подобных практик, которые С.Д. охарактеризовала как «промывание мозгов». Девушка рассказала, что она почти полностью отказалась от еды во время посещения курсов, поскольку инструкторы сказали ей, что пища - это яд. Кроме того, она бросила учебу в институте. В определенный момент она уже не понимала, где и когда происходят события, и вернулась к нормальному состоянию только в клинике.

17. В первой половине 2003 года, в неустановленный день, следователь милиции назначил проведение экспертизы в отношении предполагаемой потерпевшей, С.Д.

18. 25 июля 2003 года С.Д. обследовала группа психиатров, в числе которых были доктор Гул., доктор Н. и доктор Иг. Доктор Иг. выступала в качестве «докладчика» для группы экспертов. В заключении № 1170 группа врачей пришла к выводу, что С.Д. страдала от «острого пизоидного психотического расстройства», связанного с ее участием в программах организации. Врачи пришли к выводу, что 5 сентября 2002 года психическое состояние С.Д. нормализовалось, и на момент проведения экспертизы она могла участвовать в разбирательстве по делу и давать показания следователю и в суде.

19. 30 июля 2003 года следователь УМВД по Хабаровскому краю возбудил уголовное дело по статье 235 Уголовного кодекса («Незаконное осуществление медицинской деятельности»). Следственные органы подозревали членов организации в причастности к осуществлению незаконной медицинской деятельности и в том, что они предоставляли медицинские услуги С.Д. (далее - «предполагаемая потерпевшая») без необходимой лицензии и подготовки. Однако, возбуждая дело, следственные органы не предъявляли никому обвинение в совершении преступления.

2. Первая экспертиза, проведенная Бюро судебно-медицинской экспертизы (19 ноября 2003 года, заключение №197)

20. 11 августа 2003 года следователь назначил проведение экспертизы в отношении деятельности организации. В частности,

следователь ставил перед экспертами следующие вопросы: оказывала ли организация медицинские услуги участникам программ, и был ли нанесен какой-либо ущерб здоровью предполагаемой потерпевшей в результате ее участия в этих программах. Проведение экспертизы было поручено Бюро судебно-медицинской экспертизы (БСМЭ) Министерства здравоохранения Хабаровского края. Была создана экспертная комиссия, в которую входили доктор Черн. (председатель), доктор Мах., доктор Бес. и доктор Ч.

21. 17 сентября 2003 года сотрудники следственных органов провели обыск в доме заявительницы и изъяли документы и литературу, имеющие отношение к деятельности организации.

22. 19 ноября 2003 года БСМЭ вынесло первое заключение, которое основывалось на изученных материалах уголовного дела. В заключении отмечалось, что техники, применяемые организацией в ее программах, известны как в традиционной (научной), так и в альтернативной («народной») медицине. Тем не менее, в заключении не давалось ответа на вопрос, являлись ли эти техники медицинскими. Кроме того, был сделан вывод о том, что состояние здоровья предполагаемой потерпевшей «наиболее вероятно» было связано с ее участием в программах организации.

3. Вторая экспертиза, проведенная Бюро судебно-медицинской экспертизы (9 апреля 2004 года, заключение № 36)

23. 10 декабря 2003 года следователь вынес постановление о проведении БСМЭ «дополнительной» экспертизы в отношении деятельности организации. В состав экспертной комиссии БСМЭ вошли доктор Черн. (председатель), доктор Мах. и доктор Ч. Эксперты снова не обследовали С.Д. лично, а основывали свои заключения на документах, содержащихся в материалах дела.

24. 9 апреля 2004 года БСМЭ вынесло «дополнительное» заключение (№ 36), в котором БСМЭ снова не дало четкого ответа на вопрос, оказывала ли организация медицинские услуги. Эксперты отметили, что ни устав организации, ни другие имеющие к ней отношение документы не содержали какого-либо указания на медицинский характер ее программ. Согласно заключению экспертов, необходимо было разграничивать программу курса «Вечность» и другие программы организации.

25. Эксперты также пришли к выводу, что в конкретном случае предполагаемой потерпевшей техники, применяемые организацией, стали причиной развития у нее психического расстройства. Базовая программа, упоминаемая экспертами как «Искусство жизни» привела к ослаблению ее физического состояния, а последующее участие в программе «Вечность» привело к усугублению ее соматического состояния психическим расстройством.

4. Позиция Министерства здравоохранения

26. В апреле 2004 года следователь по делу запросил заключение Министерства здравоохранения Хабаровского края относительно деятельности организации. 22 апреля 2004 года исполняющий обязанности министра здравоохранения направил следующий ответ:

«Занятие народной медициной ... подлежит лицензированию на основании Федерального закона от 8 августа 2001 года «О лицензировании отдельных видов деятельности», Постановления Правительства № 499 от 4 июля 2002 года «Об утверждении Положения о лицензировании медицинской деятельности» и Приказа Министерства здравоохранения РФ № 238 от 26 июля 2002 года «Об организации лицензирования медицинской деятельности», а также в соответствии с «Основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», принятых 22 июля 1993 года.

Приказ Министерства здравоохранения № 142 от 29 апреля 1998 года ... утратил силу. В настоящее время перечень медицинских услуг ... изложен в Приказе № 238 от 26 июля 2002 года.

Дыхательные упражнения и другие методы, перечисленные в перечне медицинских услуг, в том числе гипнотическое внушение, входят в категорию ☐ медицинской деятельности и подлежат лицензированию под заголовком «Психотерапия» ☐ на основании:

(1) Приказа Министерства здравоохранения № 438 от 16 сентября 2003 года «О психотерапевтической помощи»

(2) Методических рекомендаций ... которые утверждены Приказом № 438;

(3) Психотерапевтической энциклопедии Б. Карвасарского (2002).

Применение трансовых состояний как части психотерапии Эриксона считается медицинской практикой. Однако такая техника не используется в ☐ программе «Искусство жизни»; [программа основывается на применении] релаксации на основании традиционной медитации в рамках духовных практик, на осуществление которых лицензия не требуется.

Физические упражнения на основании асан йоги [(положений тела)] не являются медицинской деятельностью и не подлежат лицензированию.

Понятие ☐ «частная медицинская практика» включает как медицинские услуги, так и услуги народной медицины, несмотря на то, что эти оба понятия отличаются по своему значению.

5. Экспертиза, проведенная доктором А. (5 мая 2004 года)

27. 22 апреля 2004 года следователь снова допросил С.Д. В основном, она не изменила своих показаний, данных ею ранее. Она также пояснила, что ее участие в «программе» обязывало ее практиковать специальные дыхательные упражнения каждый вечер на протяжении сорока дней подряд. Ей запрещалось употреблять в пищу мясо или рыбу в любом виде. Она подробно описала программу «Вечность», которая проводилась другой обвиняемой по делу - , М.С.,

и рассказала о последствиях влияния этой программы на ее физическое состояние.

28. 23 апреля 2004 года следователь назначил экспертизу в отношении деятельности организации. Ее проведение было поручено доктору А., главному психотерапевту управления здравоохранения администрации г. Хабаровска.

29. Заключение было составлено 5 мая 2004 года.. Власти представили копию данного заключения Суду. Однако текст частично нечитаемый.

30. Первый вопрос, на который должен был дать ответ эксперт, касался требований к лицензированию народной медицины. Эксперт ответил, что лицензирование народной медицины регулируется Постановлением Правительства № 238 от 26 июля 2002 года.

31. Кроме того, следователь поставил вопрос о том, относились ли определенные практики (например, такие как «дыхательная гимнастика», «гипнотическое внушение», «физические упражнения на основании поз йоги» и «введение в транс») к методам народной медицины. Что касается «поз йоги» эксперт заключил, что их применение не являлось «медицинской деятельностью» и не подлежало лицензированию. Относительно «дыхательной гимнастики» и «гипнотического внушения» эксперт подтвердил, что они являются хорошо известными психотерапевтическими методами, но они не применялись организацией. Элементы этих техник могли использоваться врачами в качестве дополнительных методов психотерапевтического лечения, однако, по словам эксперта, программы «Искусства жизни» не имели какой-либо медицинской цели, не были направлены на лечение болезней, и, следовательно, не являлись «медицинскими».

6. Первая экспертиза, проведенная доктором Ив. (23 ноября 2004 года)

32. 12 августа 2004 года следователь назначил «судебно-техническую экспертизу» в отношении деятельности организации. Ее проведение было поручено Министерству здравоохранения Хабаровского края.

33. 23 ноября 2004 года доктор Ив., доктор медицинских наук по специальности «Психиатрия» и главный психиатр Управления здравоохранения правительства Еврейской автономной области, вынес заключение о том, что деятельность организации по своему характеру не являлась «медицинской» и, следовательно, не подлежала лицензированию.

7. Предъявление обвинения заявительнице и экспертиза, проведенная Красноярским государственным медицинским университетом

34. 26 ноября 2004 года заявительнице было официально предъявлено обвинение. С момента первого допроса она отрицала свою вину.

35. 16 декабря 2004 года сторона защиты получила экспертное заключение, подготовленное комиссией из четырех врачей Красноярского государственного медицинского университета (в числе которых был доктор медицинских наук). Экспертная комиссия обследовала 118 человек, которые принимали участие в программах «Искусства жизни» на протяжении не менее трех месяцев. Комиссия заключила, что большинство обследуемых заметили различные положительные последствия программ, например, облегчение протекания хронических заболеваний, восстановление психологического равновесия и повышение работоспособности. В заключении отмечалось, что «умеренное и системное занятие йогой в рамках программы «Искусство жизни» не противопоказано при хронических заболеваниях или в пожилом возрасте и может рекомендоваться для реабилитации после травм, хирургических операций и перенесенных заболеваний». Неясно, было ли письменное заключение приобщено к материалам уголовного дела.

36. 27 декабря 2004 года адвокат заявительницы обратился к следователю с ходатайством о проведении дополнительной судебной экспертизы. Из материалов дела неясно, предполагалось ли, чтобы экспертиза была проведена в отношении деятельности организации, состояния здоровья С.Д. или в отношении иного вопроса. 28 декабря 2004 года следователь вынес постановление об отказе в назначении дополнительной судебной экспертизы, поскольку все необходимые экспертизы были проведены, что вина заявительницы установлена, и что не было необходимости проводить какие-либо дополнительные экспертизы.

8. Вторая экспертиза, проведенная доктором Ив. (1 апреля 2005 года)

37. 5 марта 2005 года следователь назначил новую экспертизу относительно деятельности организации, проведение которой было поручено доктору Ив. 12 марта 2005 года сторона защиты получила копию постановления следователя о назначении экспертизы.

38. Заключение было вынесено 1 апреля 2005 года. Оно основывалось на документах, содержащихся в материалах дела. Доктор Ив., в первую очередь, проанализировал соответствующее законодательство. Статья 57 Закона «Основы законодательства

Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 1993 года предусматривает, что для занятия альтернативной медициной (в тексте закона также упоминаются термины «народная медицина», «традиционная медицина» и «целительство») требуется «диплом целителя». Статья 56 Закона «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» требует от лица, занимающегося частной медициной, иметь «диплом о высшем или среднем медицинском образовании», «диплом специалиста» и лицензию (например, на занятие «альтернативной медициной»). Приказ Минздрава № 142 от 29 апреля 1998 года предусматривает, что народная медицина подлежит лицензированию.

39. Законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8 августа 2001 года (№ 128-ФЗ) и Постановлением Правительства № 135 от 11 февраля 2002 года народная медицина включена в перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию.

40. Приказ Министерства здравоохранения № 113 от 10 апреля 2001 года содержит отраслевой классификатор «Простые медицинские услуги», который включает, помимо прочего, пункты №№ 13.30.005 («Психотерапия») и 13.30.006 («Гипнотерапия»). Эксперт пришел к выводу, что такие услуги подлежали лицензированию и должны предоставляться специалистами в соответствующих областях.

41. Кроме того, ссылаясь на Постановление Правительства № 499 от 4 апреля 2002 года «Об утверждении Положения о лицензировании медицинской деятельности», эксперт отметил, что лицо, предоставляющее медицинские услуги, согласно законодательству обязано иметь не только профессиональное или дополнительное профессиональное образование, но и стаж работы в определенной области медицины. Приказ Министерства здравоохранения № 238 от 26 июля 2002 года содержит перечень работ и услуг, составляющих «медицинскую деятельность», в котором числится раздел народной медицины. Приказ предусматривает наличие лицензии для занятия народной медициной. 14 ноября 2003 года первый заместитель министра здравоохранения подписал Методические указания «Лицензионные требования и условия работ и услуг по применению методов традиционной медицины», в которых описывались определенные виды деятельности, подпадающие под традиционную медицину; перечень включал «традиционные системы оздоровления».

42. Кроме того, эксперт изучил специализированную медицинскую литературу. Он пришел к выводу, что заявительница применяла психотерапевтические методы, которые описывались в медицинской литературе, например, «введение в транс», «контроль дыхания» и «терапевтическая гимнастика». Последняя из вышеперечисленных может включать элементы йоги согласно Рекомендации Министерства здравоохранения № 2001/13 от 14 марта 2001 года. Эксперт пришел к

выводу, что применение таких методов указывает на то, что деятельность заявительницы должна рассматриваться в пределах «частной медицинской практики», требующей лицензии под заголовками «Психотерапия» и «Терапевтическая гимнастика».

43. Эксперт ссылаясь на Методические указания Министерства здравоохранения от 26 февраля 2002 года, в которых йога описывалась как «традиционный метод оздоровления». В этих же Методических указаниях отмечено, что «традиционные методы оздоровления», включая йогу, официально не рекомендуются для применения в медицинской практике и, следовательно, не подлежат лицензированию. На основании этого эксперт пришел к выводу, что в России «применение традиционных методов оздоровления» запрещено. Кроме того, эксперт ссылаясь на Приказ Министерства здравоохранения от 13 июня 1996 года, которым не допускается применение «методов и средств оккультного характера» и других не рекомендуемых методов оздоровления.

44. Эксперт отметил, что в уставе организации не упоминалось, что она была учреждена в целях оказания медицинских услуг. Тем не менее, в издаваемых организацией брошюрах описывались результаты «программ» с медицинской точки зрения, например: «выведение токсических веществ из организма за счет комплекса динамических упражнений», «улучшение функционирования всех внутренних органов», «гармонизация личности на всех уровнях», «контролируемая медитация и другие техники, которые гарантируют глубокую релаксацию, сдерживание эмоций и помогают пережить стресс». В брошюрах приводились примеры тяжело больных людей, страдающих от, *inter alia*, бессонницы и депрессии. По окончании программ организации они вылечивались. Методы, применяемые в программах, описывались как «синтез древней мудрости и современной науки» 10 мая 2003 года Шри Шри Рави Шанкар получил патент № 2203645 на «технику дыхания», согласно которому данная техника могла применяться в медицинских целях.

45. Кроме того, эксперт изучил свидетельские показания участников программ, проводимых организацией. По словам некоторых участников, инструкторы говорили им, что у них есть дипломы о медицинском образовании, и что программы должны принести оздоровительный эффект. По просьбе инструкторов, участники должны были заполнить анкеты, которые содержали вопросы относительно их состояния здоровья. Эксперт также проанализировал то, как в брошюрах описывались методы, применяемые в программах, например, методы релаксации, физические упражнения, дыхательные упражнения, медитация и т.д.

46. Для описания деятельности организации в ее брошюрах использовались такие термины, как «психологическая адаптация»,

«аутогенная тренировка» и «релаксация», которые можно было найти в специализированной медицинской литературе. По сути, данные методы являлись методами психотерапии и психиатрического лечения. Эксперт провел сравнение между методами, применяемыми инструкторами организации, и «холотропной терапией» (метод, используемый в психотерапии) и указал на ряд схожих аспектов.

47. Исходя из этого эксперт пришел к выводу, что деятельность организации может рассматриваться как «народная медицина», занятие которой требует лицензии. По мнению эксперта, деятельность организации являлась медицинской по своему характеру.

9. Попытки стороны защиты допросить определенных свидетелей

48. В апреле 2005 года, в неустановленный день, сторона защиты обратилась к следователю с ходатайством провести допрос ряда свидетелей с той целью, чтобы принять решение, требовалось ли дальнейшее проведение психиатрической экспертизы в отношении потерпевшей. 29 апреля 2005 года следователь вынес постановление об отказе, указав, что личность потерпевшей была тщательно изучена, что он получил экспертное заключение и допросил одного из членов экспертной комиссии, доктора Иг.

10. Экспертное заключение проф. З. из Дальневосточного государственного медицинского университета (1 июля 2007 года)

49. 1 июля 2007 года, по ходатайству адвоката заявительницы, проф. З. из Дальневосточного государственного медицинского университета, расположенного в г. Хабаровске, вынес экспертное заключение. Проф. З. раскритиковал ранее вынесенные экспертные оценки, согласно которым деятельность организации рассматривалась как «медицинская». Проф. З. утверждал, что элементы программы организации можно было встретить во многих традиционных практиках, таких как йога, цигун и других боевых искусствах. Он также выразил сомнение относительно выводов, сделанных в ранее вынесенных экспертных заключениях, о том, что на психическое состояние С.Д. повлияло ее участие в программах организации. Он предположил, что как раз психическое состояние девушки привело ее к тому, что она проявила интерес к деятельности и идеям, практикующим в организации.

11. Экспертное заключение, вынесенное Независимой психиатрической ассоциацией России

50. В неустановленный день, адвокат заявительницы обратился за заключением Независимой психиатрической ассоциации России (НПА), расположенной в г. Москве, в отношении экспертного заключения от 25 июля 2003 года. Адвокат заявительницы предоставил НПА копии отдельных документов из материалов уголовного дела, в частности, заключения №№ 197 и 36, а также свидетельские показания доктора Иг.

51. 17 января 2006 года экспертная группа НПА, в состав которой вошли два психиатра, доктор Сп. и доктор Сав., а также психолог, доктор Вин., вынесла письменное заключение. В нем группа раскритиковала методы, применяемые при проведении экспертизы 25 июля 2003 года, по завершении которой было вынесено заключение № 1170 (см. пункты 16 и след.), которое она назвала недостоверным и неполным.

В. Судебное разбирательство

1. Первый этап судебного разбирательства

(а) Позиция стороны защиты

52. Дело заявительницы было заслушано судьей Ш. Центрального районного суда г. Хабаровска.

53. На заседании суда заявительница и иная подсудимая, М.С., отрицали свою вину. Они признали тот факт, что ни у них, ни у других инструкторов, работающих в организации, не было медицинского образования. Кроме того, они признали то, что предполагаемая потерпевшая являлась их ученицей, и что у нее были проблемы со здоровьем по завершении двух программ. Однако они отрицали тот факт, что они причинили вред здоровью предполагаемой потерпевшей, и настаивали на том, что психическое расстройство у девушки было связано с уже имеющимся заболеванием или иными жизненными обстоятельствами.

54. В частности, они заявляли, что и предполагаемая потерпевшая и ее сестра родились и воспитывались в крайне религиозной семье, что у них у обоих были проблемы с адаптацией в школе и очень непростые отношения с матерью. Несколько членов семьи предполагаемой потерпевшей страдали от психических расстройств, поэтому ее личные проблемы можно было объяснить наследственным предрасположением. Она начала посещать программы организации из-за своих социальных и психологических проблем.

55. Кроме того, заявительница утверждала, что «программы» организации не могли рассматриваться в качестве «лечения». С момента учреждения организации в ее отношении Управлением юстиции неоднократно проводились проверки, по результатам которых не было выявлено нарушений законодательства в ходе осуществления ее деятельности.

56. Сторона защиты также заявила, что программы организации не носили «медицинский» характер и, следовательно, не требовали специального образования или лицензии. Программы направлены на то, чтобы помочь людям достичь социальной и психологической гармонии, раскрыть истинный смысл жизни и т.п. Инструкторы не получали деньги за свою работу; их участие в программах было добровольным.

(б) Доказательства, представленные стороной обвинения

57. На первом этапе судебного разбирательства в суде были допрошены несколько свидетелей. Они дали показания относительно психического и физического состояния предполагаемой потерпевшей до, во время и после ее участия в программах организации. Все они связывали проблемы со здоровьем у С.Д. с ее участием в программах.

58. Как следует из документов и пояснений, представленных Властями, ни С.Д. (предполагаемая потерпевшая), ни ее сестра-близнец, Н.Д. не явились в суд. На заседании суда 27 марта 2007 года судья Ш. заявил, что согласно медицинским справкам от 19 января 2006 года и 22 марта 2007 года врачи не рекомендовали С.Д. участвовать в судебном заседании из-за риска того, что это может негативным образом повлиять на ее состояние. Данные медицинские справки были выданы по просьбе С.Д. и не содержали какие-либо сведения о состоянии ее здоровья или какой-либо экспертизы, проведенной в связи с этим.

59. Суд заслушал несколько других свидетелей, вызванных по ходатайству стороны обвинения, а именно О.Л., руководителя организации, Л.П., члена организации и бывшего преподавателя С.Д. в институте, Е.Б., члена организации, которая посещала программу вместе с С.Д. (предполагаемой потерпевшей), С.Ч. и В.З. Показания этих свидетелей, в основном, совпадали с позицией стороны защиты.

60. Суд заслушал эксперта со стороны обвинения, доктора Н., входившей в состав экспертных комиссий, которые ранее проводили оценку материалов дела. Выводы доктора Н. были лишены ясности. Она заявила, что не получала информации или документов о характере, социальной и семейной жизни или истории болезни предполагаемой потерпевшей, и что вывод о связи программы и заболеваний С.Д. был предположительным.

61. Доктор Иг., которая принимала участие в составлении заключения № 1170, была вызвана в суд, однако она не явилась. Судья пытался обеспечить ее явку 27 марта 2007 года, обратившись в краевую больницу, в которой она работала. Однако, согласно письму из больницы, доктор Иг. находилась в отпуске до 29 марта 2007 года; после этой даты ее договор с больницей должен был быть расторгнут, так как она планировала уехать за границу. На заседании 27 марта 2007 года по ходатайству стороны обвинения суд принял решение огласить показания доктора Иг., данные ранее. В своих показаниях доктор Иг. утверждала, что психическое расстройство С.Д. непосредственно связано с ее участием в программе организации.

62. Суд изучил документы из материала дела, представленные стороной обвинения, в частности, протоколы допроса И.Г., бывшего учителя, которая была классным руководителем у С.Д., другие подтверждающие документы и официальную переписку. Суд изучил письмо от 17 июня 2003 года от исполняющего обязанности начальника Управления здравоохранения администрации г. Хабаровска. В данном письме проблемы С.Д. связывались с деятельностью организации, которая была названа «сектой». Суд изучил протоколы обыска и изъятые в ходе него вещи, включая брошюры, книги и аудиокассеты, распространяемые организацией среди своих членов. Суд изучил историю болезни С.Д., экспертное заключение БСМЭ от 19 ноября 2003 года, экспертное заключение от 23 ноября 2004 года и экспертное заключение, вынесенное доктором Ив. от 1 апреля 2005 года.

63. Суд также заслушал других свидетелей, показания которых были косвенными доказательствами по делу.

(в) Доказательства, представленные стороной защиты

64. Суд допросил ряд свидетелей стороны защиты, а именно Д., бывшего члена организации и знакомую С.Д., К., адвоката организации и доктора Л., который общался с матерью С.Д. по вопросам психического состояния последней. Все они утверждали, что психическое расстройство С.Д. было вызвано существовавшими ранее факторами.

65. Подобное заявление сделал доктор А., который составил экспертное заключение по делу С.Д. 5 мая 2004 года. Доктор А. был допрошен в качестве «специалиста».

66. Суд также изучил письменное заключение проф. З.

(г) Первый приговор и кассационное производство

67. 23 июля 2007 года Центральный районный суд г. Хабаровска оправдал заявительницу и М.С. В частности, суд пришел к выводу, что заявительница и М.С. не осознавали, что осуществляемая ими

деятельность могла рассматриваться как медицинская практика, или что они могли нанести вред здоровью других лиц. Суд также постановил, что программы организации не являлись медицинской деятельностью.

68. Суд исключил из числа доказательств экспертные заключения от 25 июля 2003 года, 19 ноября 2003 года, 9 апреля 2004 года¹ и 1 апреля 2005 года, которые он счел неполными, противоречивыми и недостоверными. Кроме того, суд выявил различные нарушения порядка назначения и проведения экспертиз. Относительно экспертной оценки доктора Ив. (заключения от 23 ноября 2011 года и 1 апреля 2005 года) суд отметил, *inter alia*, что данная оценка основывалась на законодательстве, которое вступило в силу после событий, связанных с заявительницей и М.С.

69. Суд также отказал в принятии в качестве доказательства заключение проф. З., поскольку оно было получено в нарушение национального законодательства, а именно по той причине, что проф. З. не был предупрежден следователем или председателем состава суда об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

70. Сторона обвинения подала кассационную жалобу.

71. 20 декабря 2007 года оправдательный приговор был отменен краевым судом, а дело было передано обратно в суд первой инстанции. Краевой суд не согласился с оценкой доказательств суда первой инстанции, а также с его решением признать некоторые доказательства, а именно экспертные заключения, недопустимыми. Краевой суд также указал на различные процессуальные недостатки судебного разбирательства. Краевой суд отметил, что не было необходимости допрашивать доктора А., поскольку он участвовал в разбирательстве по делу ранее в качестве эксперта. Помимо прочего, краевой суд рекомендовал суду первой инстанции назначить проведение новых психиатрических экспертиз в отношении предполагаемой пострадавшей С.Д.

2. Второй этап судебного разбирательства

72. На втором этапе судебного разбирательства дело было заслушано районным судом в составе одного судьи: вначале - судьи З, впоследствии - судьи М.

(а) Изучение доказательств

(i) Рассмотрение дела судьей З.

73. На судебном заседании стороны обвинения и защиты представили суду свои доказательства. Сторона обвинения

¹ Датой вынесения постановления было указано 8 апреля 2004 года.

представила письменные экспертные заключения и показания свидетелей, подтверждающие документы и вещественные доказательства, полученные на предыдущей стадии судебного разбирательства или на стадии расследования. Сторона обвинения также представила медицинские справки от 19 января 2006 года и 22 марта 2007 года, в которых врачи рекомендовали предполагаемой потерпевшей воздержаться от участия в судебных заседаниях во избежание ухудшения ее состояния.

74. Предполагаемая потерпевшая (С.Д.) в суд не явилась. Как следует из материалов, представленных Властями, ее имя значилось в списке свидетелей обвинения, которые должны были быть вызваны в суд. Однако С.Д. направила в суд письменное заявление, в котором ходатайствовала прекратить уголовное преследование заявительницы и иной обвиняемой в связи с их «примирением». Она также сообщила суду о том, что не желает участвовать в судебном разбирательстве.

75. Районный суд заслушал З.Д. (мать потерпевшей) и нескольких других свидетелей. Эксперт доктор Иг. не явилась; согласно разъяснениям суда, повестка не была ей вручена и вернулась по почте. Сторона защиты настаивала на необходимости связаться с доктором Иг. через ее работодателя.

76. 29 июля 2008 года судья направил ходатайство в городскую психиатрическую больницу относительно состояния здоровья потерпевшей С.Д. Из больницы пришел ответ о том, что связь с С.Д. прервалась в сентябре 2007 года, и что С.Д. отказалась от амбулаторного лечения врачами больницы. Руководство больницы также сообщило судье, что брат (Е.Д.) и сестра (Н.Д.) С.Д. ранее проходили лечение в больнице в связи с определенными психическими расстройствами.

77. Согласно протоколам судебных заседаний сторона обвинения ходатайствовала об оглашении показаний С.Д., которые она дала на стадии предварительного расследования. Сторона защиты не возражала против оглашения ее показаний. По словам заявительницы, сторона защиты ходатайствовала о том, чтобы свидетели были допрошены лично. Суд принял решение огласить протоколы допроса С.Д., а также показания ее матери, брата и сестры, которые были даны в ходе первого этапа судебного разбирательства и следственным органам.

78. Свидетель защиты Е.К. давала показания в суде лично. Суд также заслушал нескольких других свидетелей защиты, а именно Е.Д. и Е.Ив. Их показания совпадали с позицией стороны защиты.

79. Суд допросил эксперта доктора Н., которая принимала участие в проведении экспертизы 25 июля 2003 года (заключение № 1170). Суд также допросил эксперта доктора Ч., который принимал участие в проведении экспертизы 19 ноября 2003 года (заключения №№ 197 и

36). Они подтвердили выводы, сделанные в экспертных заключениях, и предоставили дополнительную информацию по делу.

80. Сторона защиты ходатайствовала об исключении экспертных заключений, предоставленных стороной обвинения на том основании, что М.С. (иной подсудимой) не было известно о постановлении следователя о назначении экспертизы. Тем не менее, суд отказал исключить данные заключения на том основании, что сторона защиты имела возможность заявить отвод экспертам и оспорить их выводы после составления заключений или ходатайствовать о проведении дополнительных экспертиз в ходе судебного разбирательства.

81. 1 октября 2008 года адвокат, представляющий интересы М.С. (иной подсудимой по делу), обратился к суду с ходатайством о назначении дополнительной экспертизы в отношении состояния здоровья С.Д. (потерпевшей). Оказалось, что подобное ходатайство было подано и адвокатом заявительницы.

82. 31 октября 2008 года обвинитель обратился к суду с ходатайством о назначении еще одной экспертизы с целью определения того, обладали ли «программы» организации признаками медицинских услуг. Сторона защиты просила судью поручить проведение экспертизы государственному институту в г. Москве, однако судья отказал в удовлетворении данного ходатайства и поручил проведение экспертизы региональному центру судебной экспертизы в г. Хабаровске. Однако суд согласился включить в состав комиссии эксперта, предложенного стороной защиты. Материалы дела были переданы на экспертизу в компетентное экспертное учреждение.

83. 14 апреля 2009 года эти материалы были возвращены суду без экспертного заключения. Руководство экспертного учреждения сообщило о том, что ответить на вопросы было невозможно, поскольку они были сформулированы судьей в крайне общих терминах, и что для проведения такого рода экспертизы требовались дополнительные эксперты.

(ii) Рассмотрение дела судьей М.

84. В первой половине 2009 года судья З. заявил о самоотводе по делу по неизвестным причинам. На его место был назначен судья М. Рассмотрение дела возобновилось 3 июня 2009 года. В связи со сменой судьи дело рассмотрено сначала (см. статью 242 Уголовно-процессуального кодекса, приведенную в части «Применимое национальное право» ниже).

85. На судебном заседании 3 июня 2009 года сторона обвинения заявила, что даст согласие на прекращение дела при условии истечения сроков, установленных законом для судебного преследования. Тем не менее, заявительница и М.С. настаивали на продолжении судебного разбирательства, отмечая, что они хотели доказать свою невиновность.

86. Изучив список свидетелей, вызванных в суд, судья М. отметил, что доктору Иг. было направлено извещение, однако суд «не получил какой-либо информации о том, было ли оно надлежащим образом доставлено».

87. Сторона обвинения обратилась с повторным ходатайством об оглашении показаний С.Д. и Н.Д., полученных на стадии предварительного расследования, однако сторона защиты возразила против этого. Сторона защиты ходатайствовала перед судом об истребовании информации о возможности этих свидетелей явиться в суд лично.

88. 2 июля 2009 года судья М. принял решение об оглашении показаний С.Д., которые она дала на стадии предварительного расследования. На основании материалов дела и «полученной информации» судья постановил, что состояние здоровья С.Д. не позволяло ей участвовать в судебном разбирательстве лично.

89. Кроме того, судья отметил невозможность заслушать свидетеля-эксперта доктора Иг., не указав при этом по какой причине, и постановил огласить ее показания, данные на стадии предварительного следствия.

90. 4 июля 2009 года судья М. запросил заключение краевой психиатрической больницы относительно того, позволяло ли состояние здоровья С.Д. и Н.Д. участвовать в судебном разбирательстве. 11 июля 2009 года руководство больницы направило ответ о невозможности сказать, могли ли С.Д. и Н.Д. участвовать в судебном разбирательстве, поскольку они не проходили лечение в данной больнице.

91. Впоследствии судья огласил показания нескольких других свидетелей, которых допрашивали на предыдущих стадиях разбирательства, в том числе показания З.Д. (матери потерпевшей) и Е. Д. (брата потерпевшей).

92. На последующих заседаниях судья огласил устные показания нескольких свидетелей, а именно показания Е. Ив. и Д. Однако Власти не предоставили копии протоколов данных судебных заседаний.

93. 7 декабря 2009 года судья М. заслушал двух экспертов - доктора Ч. (который принимал участие в составлении экспертных заключений №№ 197 и 36) и доктора Н. (которая принимала участие в составлении экспертного заключения № 1170). В ходе допроса доктор Ч. заявил, *inter alia*, что недостатки ранее проведенных экспертиз могут быть исправлены проведением дополнительной психиатрической экспертизы в отношении С.Д. Доктор Н. придерживалась того же мнения.

94. Сторона защиты обратилась к судье с ходатайством об оглашении показаний эксперта доктора А., который составил

заключение от 5 мая 2004 года и который был допрошен в суде на первом этапе разбирательства. Судья удовлетворил данное ходатайство, и запротоколированные показания доктора А. были оглашены.

95. В тот же день сторона защиты обратилась к суду с ходатайством о назначении дополнительной экспертизы причин психического расстройства у С.Д. и связано ли возникновение расстройства с ее участием в программах организации. Сторона защиты заявила о том, что ранее проведенные экспертизы являлись противоречивыми и не затрагивали определенные вопросы, являющиеся важными.

96. В удовлетворении данного ходатайства было отказано: судья пришел к выводу, что ранее вынесенных экспертных заключений достаточно, чтобы прийти к выводу по существу дела. Рассмотрение доказательств было завершено, и судья перешел к прению сторон.

(б) Второй приговор и кассационное производство

97. 25 декабря 2009 года Центральный районный суд г. Хабаровска признал заявительницу и М.С. виновными в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 235 Уголовного кодекса.

98. Районный суд установил, что в период с 24 апреля по 23 июня 2002 года под видом «программ» и тренингов заявительница и М.С. оказывали С.Д. следующие медицинские услуги: «психологическая адаптация», «аутогенная тренировка», «диетотерапия», «лечебная гимнастика» и «психотерапия». Все эти виды деятельности относятся к различным областям медицины (таким как, психотерапия, психиатрия и наркология). Сам характер деятельности обвиняемых указывал на то, что их действия носили умышленный и осознанный характер. Для предоставления таких услуг требовались специальное образование и лицензия. Подсудимые осуществляли свою деятельность без лицензии и не имели какого-либо медицинского образования. Проблемы со здоровьем С.Д. в 2003 году были непосредственно связаны с ее участием в программе. Таким образом, неправомерные и неосторожные действия заявительницы и М.С. причинили вред здоровью С.Д. средней тяжести.

99. В обоснование своих выводов суд сослался на следующие доказательства: показания С.Д., которые были даны 24 марта 2003 года и 22 апреля 2004 года, показания Н.Д., сестры предполагаемой потерпевшей, которые были даны в ходе предварительного расследования 9 сентября 2003 года, а также показания З.Д. (матери предполагаемой потерпевшей) и Е.Д. (брата), которые были даны в ходе судебного разбирательства.

100. Кроме того, суд сослался на экспертные заключения, а именно на заключения от 25 июля 2003 года (№ 1170), 19 ноября 2003 года (№ 197) и 9 апреля 2004 года (№ 36), экспертное заключение доктора Ив. от 1 апреля 2005 года и протокол допроса следователем эксперта доктора Иг. Суд также сослался на устные показания экспертов доктора Н. и доктора Ч., которые были даны в ходе судебного разбирательства.

101. Кроме того, Суд опирался на другие доказательства, а именно протоколы показаний Е.К., О.Л., И.Г. и других, которые были составлены следователем на стадии расследования либо в ходе первого судебного разбирательства. Кроме того, суд ссылался на документально подтвержденные доказательства, в том числе историю болезни С.Д., устав организации, а также публикуемые ею брошюры и листовки.

102. Суд отклонил как недостаточные свидетельские показания К. (свидетеля защиты) и Д. (свидетеля защиты) и не проанализировал показания доктора Л. Суд также отклонил показания тех свидетелей, которые принимали участие в программах организации на том основании, что их мнение относительно характера и последствий этих программ было «субъективным».

103. Экспертные заключения, предоставленные стороной защиты, были признаны недопустимыми доказательствами. В частности, районный суд постановил, что экспертные заключения проф. З. и НПА являлись недопустимыми на том основании, что они были получены в нарушение статей 58, 251 и 270 УПК. Суд пояснил, что согласно закону «сторона не может, по своей собственной инициативе и вне судебного разбирательства требовать и получать заключение специалиста» (стр. 25-26 приговора).

104. Письменные показания доктора А. были исключены на том основании, что доктор А. ранее выносил экспертное заключение по делу. Следовательно, согласно части 2 статьи 72 УПК он не мог участвовать в производстве по уголовному делу в качестве «специалиста».

105. Что касается ссылок доктора Ив. в ее заключении от 1 апреля 2005 года на законодательные акты, принятые после событий, связанных с заявительницей, суд отметил, что данные ссылки не противоречили выводам доктора Ив., а только еще больше подтверждали их, и что доктор Ив. также ссылалась на законодательные акты, действующие на момент рассматриваемых событий (стр. 27 приговора).

106. В резолютивной части приговора суд отметил следующее:

«Суд считает, что доказательства [представленные сторонами] являются допустимыми, достоверными и достаточными в том смысле, что они не противоречат фактическим обстоятельствам дела, установленным судом».

Районный суд приговорил заявительницу к двум годам лишения свободы; однако она была освобождена от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, установленных соответствующим законом. М.С. была приговорена к одному году и шести месяцам лишения свободы.

107. Сторона защиты подала кассационную жалобу, в которой, в частности, жаловалась на то, что судья М. основывал приговор на показаниях свидетелей, которые не были заслушаны в зале суда. Кроме того, сторона защиты жаловалась на отказ суда первой инстанции принять в качестве доказательств экспертные заключения, представленные стороной защиты, и назначить дополнительную экспертизу в отношении состояния здоровья С.Д. 25 марта 2010 года Хабаровский краевой суд оставил обвинительный приговор без изменений. Суд второй инстанции не установил какого-либо нарушения норм национального материального или процессуального права при рассмотрении дела судом первой инстанции. Краевой суд постановил, *inter alia*, что сторона защиты не возражала против того, чтобы были оглашены показания предполагаемой потерпевшей и ее родственников, данные ими ранее. Краевой суд отметил, что протокол допроса С.Д. , являлся допустимым источником информации, поскольку на момент дачи этих показаний она не страдала психическим расстройством.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

А. Ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности

108. Статья 235 Уголовного кодекса (в действующей на то время редакции) устанавливала ответственность за незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью. Текст статьи имел следующее содержание:

Статья 235. Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью

1. Занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензии на избранный вид деятельности, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека - наказывается штрафом ..., ограничением свободы либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, - наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок».

109. Статья 15 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 1993 года (Федеральный закон № 5487- 1), в действующей на то время редакции, устанавливала требование о лицензировании медицинской деятельности, порядок и основные критерии получения такой лицензии. В Постановлении Правительства от 21 мая 2001 года (утратило силу 4 июля 2002 года) определялись дальнейшие правила и порядок получения лицензии на осуществление медицинской деятельности. Кроме того, документ содержал перечень «видов медицинской деятельности», который включал, *inter alia*, лечебную физкультуру, психотерапию и диетологию. В статье 57 Закона «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 1993 года «народная медицина» определяется как «методы оздоровления, профилактики, диагностики и лечения, основанные на опыте многих поколений людей, утвердившиеся в народных традициях и не зарегистрированные в порядке, установленном законодательством». Статья предусматривала, что для осуществления деятельности в качестве «целителя», необходимо иметь диплом о специальном образовании, выдаваемый органами исполнительной власти в области здравоохранения. Согласно последней части статьи 57 «незаконное занятие народной медициной» влечет за собой уголовную ответственность.

Б. Заключение экспертов и документально подтвержденные свидетельства

110. Статья 74 УПК содержит исчерпывающий перечень источников информации, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. В данном перечне содержится, *inter alia*, заключение и показания эксперта, а также иные документы (пункты 2 и 6 статьи 74). Пункт 1 статьи 84 УПК предусматривает, что «иные документы» допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств» уголовного дела.

111. УПК (статьи 57 и 58) разграничивает два типа экспертов: «эксперты» *proprio sensu* (в собственном смысле слова) и «специалисты». Иногда они играют схожую, но не одинаковую, роль в судебном разбирательстве. В то время как «эксперты» в основном связаны с проведением комплексных судебных экспертиз до судебного разбирательства (например, дактилоскопических экспертиз или исследовании трупа), то «специалисты» привлекаются для предоставления стороне обвинения или суду содействия в применении , технических средств, с исследованием предметов и документов, , для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и

суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. . И эксперт, и специалист может представлять суду свои письменные заключения и/или давать показания (статья 80 УПК). Согласно статье 57 УПК (с соответствующими отсылочными нормами) право назначить экспертизу имеет следователь или суд первой инстанции. Суд вправе назначить экспертизу по собственной инициативе либо по ходатайству сторон.

112. Часть 1 статьи 58 УПК определяет следующие функции «специалиста» (в части, касающейся настоящего дела):

«Специалист - лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях ... для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств ..., для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию».

113. Часть 2 статьи 58 УПК предусматривает, что вызов специалиста и порядок его участия в судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса (см. ниже).

114. В части 4 статьи 58 УПК указывается, что специалист не вправе уклоняться от явки по вызову следователя, прокурора или в суд.

115. Статья 168 УПК устанавливает порядок участия специалиста в следственных действиях на стадии предварительного расследования по инициативе следователя. Данная статья, со ссылкой на часть пятую статьи 164, предусматривает, что следователь обязан разъяснить специалисту его права и ответственность, удостовериться в его компетентности и выяснить его отношение к сторонам.

116. Согласно статье 251 УПК вызванный в суд специалист участвует в судебном разбирательстве в порядке, установленном статьями 58 и 270 УПК.

117. Статья 270 предусматривает, что перед началом допроса председательствующий обязан разъяснить специалисту его права и обязанности.

118. В соответствии со статьей 75 УПК доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми. Согласно пункту 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

119. Статья 286 УПК предусматривает, что суд может приобщить к материалам дела документы, представленные сторонами.

В. Экспертные заключения, полученные следствием.

120. Глава 27 УПК регулирует порядок получения экспертных заключений на стадии расследования (т.е. до стадии судебного разбирательства). Пункт 2 статьи 195 предусматривает, что «судебная экспертиза» (т.е. для использования ее результатов судом) производится «государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями». Часть 3 статьи 195 предусматривает, что следователь обязан ознакомить обвиняемого по уголовному делу с постановлением о назначении экспертизы. Согласно статье 198 обвиняемый вправе заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении, обращаться к следователю с ходатайством о внесении в постановление о назначении экспертизы дополнительных вопросов эксперту, а также присутствовать с разрешения следователя при производстве экспертизы и давать объяснения эксперту.

Г. Собираание доказательств стороной защиты

121. Старый УПК (действовавший до 2002 года) предусматривал, что соби́рание доказательств является обязанностью следственных органов. Новая редакция УПК (действовавшая на момент рассматриваемых событий) признает право стороны защиты собирать доказательства, хотя с важными ограничениями: В частности, часть 2 статьи 53 Кодекса предусматривает, что защитник вправе «соби́рать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей статьи 86 настоящего Кодекса». Среди прочих прав защитника в части 3 статьи 53 отмечается право «привлекать [обращаться к услугам] специалиста в соответствии со статьей 58 настоящего Кодекса». Однако данное право не позволяет стороне защиты поручать проведение экспертизы и предоставлять «экспертные заключения».

122. Статья 86 нового УПК устанавливает следующий порядок соби́рания доказательств:

«1. Соби́рание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства ... следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. [Обвиняемый] ... а также его представители вправе собирать и представлять письменные документы ... для приобщения к уголовному делу в качестве доказательств.

3. Защитник вправе собирать доказательства путем:

(1) получения предметов, документов и иных сведений;

(2) опроса лиц с их согласия;

(3) истребования ... документов от органов государственной власти ... и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии».

123. Право защитника собирать доказательства предусмотрено в п. 4 части 3 статьи 6 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

«... 3. Адвокат вправе: (4) привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с [его обязанностью оказать] оказанием юридической помощи».

124. Часть 4 статьи 271 УПК предусматривает, что суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе лица в качестве свидетеля или «специалиста», явившегося в суд по инициативе одной из сторон.

Д. Позиция Верховного Суда относительно заключений экспертов

125. 21 декабря 2010 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации вынес Постановление № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Данным постановлением было заменено Постановление Пленума Верховного Суда СССР, вынесенное еще в 1971 году, которое основывалось на старом советском Уголовно-процессуальном кодексе.

126. Согласно пункту 1 Постановления, если судье требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве и т.п., он вправе назначить «судебную экспертизу» в отношении определенного вопроса. Если же проведение исследования не требуется, то возможен допрос «специалиста». Суд вправе обращаться за содействием к негосударственным экспертным учреждениям либо конкретным экспертам, однако Постановлением устанавливаются дополнительные условия для проведения судебных экспертиз. Согласно пункту 6 Постановления справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как «заключение эксперта».

127. Согласно пункту 19 Постановления для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения «специалист» дает в форме устных показаний или письменного заключения. Согласно пункту 20 заключения «специалистов» и «экспертов» могут использоваться в качестве доказательств. Однако Верховный Суд обращает внимание на то, что

специалисты «не могут проводить исследование вещественных доказательств» и «не могут формулировать выводы, а лишь высказывают суждение по вопросам, поставленным перед ними сторонами». В заключение Верховный Суд отмечает, что в случае необходимости проведения «исследования» суд должен назначить производство судебной экспертизы экспертами.

128. Согласно пункту 22 Постановления суды обязаны заслушать «специалиста», явившегося в судебное заседание по инициативе одной из сторон. Однако суд вправе отказать в допросе специалиста, если он не достаточно компетентен для предоставления ответов на вопросы, которые сторона планирует поставить перед ним.

Е. Оглашение в суде показаний свидетеля

129. Статья 281 УПК («Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля») в соответствующей части гласит:

«2. При неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний, в случаях:

- 1) смерти потерпевшего или свидетеля;
- 2) тяжелой болезни, препятствующей явке в суд;
- 3) отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином,
явиться по вызову суда;
- 4) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд.

3. По ходатайству стороны суд вправе принять решение об оглашении показаний потерпевшего ..., при наличии существенных противоречий между [устными] показаниями, данными им в суде и ранее данными показаниями».

Ж. Замена судьи

130. Статья 242 УПК («Неизменность состава суда») предусматривает следующее:

«1. Дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда.

2. Если кто-либо из судей лишен возможности продолжать участие в судебном заседании, то он заменяется другим судьей и судебное разбирательство уголовного дела начинается сначала».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

131. Заявительница жаловалась на то, что судебное разбирательство по ее делу было несправедливым, и что сторона защиты была поставлена в невыгодное положение по сравнению со стороной обвинения в отношении собирания и исследования доказательств. Заявительница ссылалась на пункт 1 и подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые гласят следующее:

«1. Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ...

...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него ...»

A. Доводы сторон

1. Власти

132. Власти оспорили данный аргумент.

133. Власти подтвердили тот факт, что предполагаемая потерпевшая, С.Д., не была заслушана лично судом первой или кассационной инстанции. Сторона защиты отсутствовала при ее допросе следователем. Однако сторона защиты не возражала против того, чтобы сторона обвинения в судебном заседании огласила протокол допроса С.Д., произведенного на стадии предварительного следствия. Кроме того, суд принял решение не вызывать ее в качестве свидетеля, поскольку врачи вынесли заключение о том, что ее участие в судебном разбирательстве может негативным образом повлиять на ее здоровье. С.Д. была уведомлена о времени и месте проведения судебного заседания по рассмотрению кассационной жалобы. Однако она не явилась по неизвестным причинам. Власти утверждали, что сторона защиты не ходатайствовала о допросе С.Д. лично на заседании суда кассационной инстанции.

134. Мать и брат потерпевшей (З.Д. и Е.Д.) давали показания на первом этапе судебного разбирательства в суде первой инстанции лично. Таким образом, сторона защиты имела возможность допросить их. Когда на втором этапе судебного разбирательства суд решил

огласить протокол допросов этих свидетелей, сторона защиты не возражала против этого.

135. Что касается экспертиз, назначенных следователем, Власти отметили, что они проводились 25 июля 2003 года (заключение № 1170), в период с 1 по 19 ноября 2003 года (заключение № 197), в период с 10 января по 9 апреля 2004 года (заключение № 36) и 1 апреля 2005 года. 26 ноября 2004 года заявительнице было предъявлено обвинение. Таким образом, она принимала активное участие только при производстве последней экспертизы, т.е. 1 апреля 2005 года.

136. Однако в ходе судебного разбирательства сторона защиты имела возможность допросить двух экспертов, которые принимали участие в составлении заключений №№ 197 и 36, а также Н., которая являлась соавтором заключения № 1170 (см. пункты 18, 20 и 23 выше).

137. Власти отметили, что согласно российскому законодательству сторона защиты и сторона обвинения равны перед судом. Однако это не означало, что сторона защиты имела неограниченный выбор средств для представления своей позиции. Так, УПК определяет, каким образом сторона защиты может представлять экспертные заключения в качестве доказательств в суде. Статьи 197-207 и 283 УПК, а также статьи 19-25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предусматривают, что судебная экспертиза может быть проведена в государственном экспертном учреждении по ходатайству следственных органов, стороны обвинения или по инициативе суда. Сторона защиты не имела права получать экспертные заключения данных учреждений.

138. Законодательство предусматривает определенные процессуальные гарантии, обеспечивающие участие стороны защиты в производстве экспертиз. Таким образом, сторона защиты имела возможность обратиться к следователю с ходатайством о назначении экспертизы. Когда экспертиза была назначена, сторона защиты имела возможность получить копию постановления следователя, ходатайствовать о смене экспертного учреждения или отвода конкретных экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении экспертизы дополнительных вопросов экспертам и т.п. Сторона защиты могла обжаловать в суде действия или бездействие следователя. В случае если экспертное заключение было неясным или противоречило действительности, сторона защиты имела право ходатайствовать о проведении дополнительной или новой экспертизы в отношении определенного вопроса другим экспертным учреждением. Власти утверждали, что сторона защиты могла пользоваться всеми этими правами в ходе судебного разбирательства.

139. В целом, Власти настаивали на том, что сторона защиты имела возможность представить свои доказательства в суде. Таким образом, суд заслушал двух свидетелей защиты: К. и Д. В своем приговоре национальный суд (в ходе первого судебного разбирательства) ссылаясь на показания данных свидетелей.

140. Что касается письменных заключений проф. З. и НПА, в которых были раскритикованы выводы, сделанные в заключении от 25 июля 2003 года (№ 1170), Власти отметили, что они являлись недопустимыми в качестве доказательств в соответствии с подпунктом 3 пункта 2 статьи 75. Данные «специалисты» были задействованы для представления своего заключения в нарушение порядка, предусмотренного статьями 58, 251 и 270 УПК.

141. 7 декабря 2009 года, ссылаясь на статьи 283 и 207 УПК, суд отказал в проведении дополнительной экспертизы. В ходе рассмотрения дела в суде кассационной инстанции сторона защиты не пыталась представить какие-либо новые документы или заключения «специалистов».

142. В заключение, Власти заявили, что судебное разбирательство по делу заявительницы являлось «справедливым» по смыслу статьи 6 Конвенции.

2. Заявительница

143. Заявительница подтвердила информацию о том, что потерпевшая С.Д. не давала показания на стадии судебного разбирательства и кассационного производства лично. Сторона защиты не имела возможности допросить ее в суде или на стадии предварительного следствия.

144. Отсутствовали какие-либо доказательства того, что явке С.Д. в суд на протяжении всего разбирательства по делу препятствовало какое-либо серьезное заболевание. Согласно статье 196 УПК судья был обязан назначить специальную психиатрическую экспертизу состояния здоровья С.Д. с целью установить, могла ли она давать устные показания. Однако судья не выполнил данную обязанность. Было неясно, почему С.Д. и ее родственники не явились на заседание суда кассационной инстанции.

145. Несмотря на то, что сторона защиты дала согласие на оглашение протоколов допросов конкретных свидетелей, это не может рассматриваться как отказ от права допросить этих свидетелей лично. Сторона защиты имела возможность допросить З.Д. и Е.Д. на первом этапе судебного разбирательства, но этого было недостаточно, поскольку судья, который признал заявительницу виновной, прямо не оценивал их показания. Кроме того, на первом этапе судебного разбирательства стороне защиты не было известно о том, что брат и

сестра заявительницы по уголовному делу страдали от определенных психических расстройств.

146. Сторона защиты не имела возможность участвовать в подготовке экспертных заключений на стадии предварительного следствия. Все ходатайства стороны защиты о проведении дополнительных экспертиз были отклонены следователем.

147. Кроме того, заявительница представила собственное толкование положений УПК, регулирующих порядок собирания доказательств сторонами и статус таких доказательств. Заявительница обратила внимание на то, что Власти указали, что сторона защиты не имела право назначать проведение экспертизы, в то время как у следователя и суда такое право было. Когда сторона защиты попыталась представить экспертное заключение проф. З., суд отказал в принятии данного заключения в качестве доказательства. Кроме того, 7 декабря 2009 года суд отказал в назначении дополнительной экспертизы. В приговоре суд не учел экспертное заключение доктора А.

148. Заявительница также утверждала, что ухудшение психического состояния С.Д. в 2002 году было связано с уже существующими обстоятельствами, а не с ее участием в курсах, проводимых организацией. Кроме того, заявительница раскритиковала суд за то, что им не были разграничены ее действия и действия ее иной подсудимой, М.С., которая несла единоличную ответственность за курс «Вечность», непосредственно после которого психическое состояние С.Д. ухудшилось.

149. В заключение, заявительница полагала, что разбирательство по ее делу было несправедливым, и настаивала на возобновлении производства по делу.

Б. Приемлемость

150. Суд отмечает, что Власти не выдвинули никаких официальных возражений относительно приемлемости настоящей жалобы. Суд также отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Неявка С.Д. в суд

(а) Общие принципы

151. Суд напоминает, что основополагающий аспект права на справедливое судебное разбирательство заключается в том, что процесс должен быть состязательным, а между стороной обвинения и защиты должен соблюдаться принцип равноправия, то есть, и стороне обвинения и защиты необходимо предоставить возможность ознакомиться и оспорить позицию и предъявленные доказательства другой стороны (см. *Доусетт против Соединенного Королевства* (*Dowsett v. the United Kingdom*), № 39482/98, § 41, ЕСПЧ 2003-VII, и *Бельзюк против Польши* (*Belziuk v. Poland*), 25 марта 1998 г., § 37, Сборник постановлений и решений 1998-II).

152. В подпункте "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции закреплён принцип, согласно которому до вынесения приговора все доказательства против обвиняемого должны быть предъявлены в его присутствии на открытом судебном заседании с тем, чтобы у подсудимого была возможность оспорить их. Исключения к этому принципу возможны, но они не должны нарушать права стороны защиты, которые, как правило, требуют, чтобы обвиняемому была предоставлена соответствующая и надлежащая возможность оспорить или допросить свидетеля обвинения в момент дачи показаний или на более поздних этапах судопроизводства (см. *Лука против Италии* (*Lucà v. Italy*), № 33354/96, § 39, ЕСПЧ 2001-II; и *Солаков против "бывшей Югославской республики Македония"* (*Solakov v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"*), № 47023/99, § 57, ЕСПЧ 2001-X; *Аль-Хаваджа и Тахери* (*Al-Khawaja and Tahery*), [GC], №№ 26766/05 и 22228/06, § 118, ЕСПЧ 2011). В контексте отсутствия свидетелей, Большая Палата Суда выделила две особенности при определении того, соответствовало ли признание их показаний в качестве доказательств праву на справедливое судебное разбирательство. Во-первых, следует установить наличие уважительной причины, по которой свидетель не явился в суд. Во-вторых, даже при наличии уважительной причины, если обвинение основывается только или в решающей мере на показаниях лица, которого обвиняемый не имел возможности опросить, права стороны защиты могут быть ущемлены, что нарушает гарантии, предусмотренные в статье 6. Соответственно, если показания, данные неявившимся в судебное заседание свидетелем, являются единственным и решающим основанием для обвинения, требуются достаточные уравновешивающие факторы, включая наличие сильных процессуальных гарантий, которые позволяют справедливо и должным образом дать оценку надежности

этих показаний (см. *Аль-Хаваджа и Тахери (Al-Khawaja and Tahery)*, выше, §§ 119 и 147).

153. Суд также напоминает, что право стороны защиты на допрос свидетелей и изучение других доказательств, предъявленных стороной обвинения, следует трактовать в свете более общего принципа состязательности процесса, закрепленного в концепции справедливого судебного разбирательства в соответствии с пунктом 1 статьи 6 (см. среди многих других авторитетных источников, *Ф.С.Б. против Италии (F.C.B. v. Italy)*, 28 августа 1991 г., § 29, Series A № 208 В; и *Пуатримоль против Франции (Poitrimol v. France)*, постановление от 23 ноября 1993 г., § 29, Series A № 277 А; *Аль-Хаваджа и Тахери (Al-Khawaja and Tahery)*, выше, § 118). Даже если сторона защиты смогла осуществить опрос свидетеля или эксперта на этапе предварительного расследования, это не может заменить допрос этого свидетеля или эксперта в суде перед судьями. Важным элементом справедливого разбирательства по уголовному делу является личный допрос обвиняемого свидетеля "в присутствии судьи, который выносит окончательное решение по делу", чтобы этот судья мог напрямую выслушать свидетеля, понаблюдать за его поведением и сформировать мнение о его надежности (см. *П.К. против Финляндии (P.K. v. Finland)* (реш.), № 37442/97, 9 июля 2002 г.; см. также, *mutatis mutandis*, *Милан против Италии (Milan v. Italy)* (реш.), № 32219/02, 4 декабря 2003 г. и *Питканен против Финляндии (Pitkänen v. Finland)*, № 30508/96, §§ 62-65, 9 марта 2004; см. также *Пичугин против России (Pichugin v. Russia)*, № 38623/03, § 199, 23 октября 2012 г., и, *mutatis mutandis*, *Валерий Лопата против России (Valeriy Lopata v. Russia)*, № 19936/04, § 128, 30 октября 2012).

(б) Применение к настоящему делу

154. Стороны не оспаривают тот факт, что С.Д. не давала показания в суде, и ее не допрашивала сторона защиты. Вместо этого районный суд использовал показания, полученные в ходе предварительного расследования.

(i) Отказалась ли сторона защиты от права на допрос С.Д.

155. Власти утверждают, что согласие заявительницы на оглашение судьей М. в ходе судебного заседания протокола допроса С.Д. (см. пункт 77 выше), равносильно отказу от права на допрос С.Д. в суде.

156. Суд напоминает, что статья 6 не предусматривает автоматический отказ от гарантий на справедливое судебное разбирательство (см. "Талат Тунч против Турции" (*Talat Tunç v. Turkey*), № 32432/96, § 59, 27 марта 2007). Однако такой отказ должен,

inter alia, быть установлен “недвусмысленно” (см. “Сейдович против Италии” (*Sejdovic v. Italy*) [GC], № 56581/00, § 86, ЕСПЧ 2006-II).

157. Показания свидетеля могут быть представлены в суд в двух формах: речь может быть записана (на бумаге, аудио- или видео носителе) или непосредственно в суде с помощью устного допроса этого свидетеля сторонами. Как следует из текста подпункта “d” пункта 3 статьи 6, Конвенция придает особую важность прямому состязательному допросу свидетеля перед судьями, однако не исключает, что стороны могут использовать в качестве доказательств записи данных ранее показаний свидетеля, например, чтобы выявить несоответствия в его устных показаниях или поставить под сомнение их правдивость (см. “Саиди против Франции” (*Saïdi v. France*), 20 сентября 1993 г., § 43, Series A № 261-C). С этой точки зрения, само по себе использование данных ранее показаний свидетеля не является нарушением подпункта “d” пункта 3 статьи 6.

158. Таким образом, возможно, что письменно зафиксированные показания свидетеля могли быть предъявлены в суде наряду с его устным допросом. УПК предусматривает, что показания свидетеля могут быть оглашены в суде, если свидетель не смог явиться лично, но не исключает личный допрос этого свидетеля (см. п. 3 статьи 281, изложенный в пункте 129 выше). Свидетель может отсутствовать в определенный день судебного разбирательства, но явиться на следующее заседание. Аналогично, за устным допросом свидетеля в суде может следовать оглашение показаний, данных им ранее.

159. Обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о том, что судья не исключал вероятность вызова С.Д. в суд, несмотря на то, что ее показания уже были оглашены (ее показания были оглашены 2 июля 2009 года, а 4 июля 2009 года судья запросил заключение докторов относительно того, сможет ли С.Д. дать показания в суде лично (см. пункты 88 и след. выше)). Кроме этого, сторона обвинения внесла С.Д. в список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд. При таких обстоятельствах очевидно, что решение стороны защиты не возражать против оглашения в судебном заседании, под председательством судьи 3, показаний С.Д., данных ранее, . нельзя толковать как однозначный отказ от права на ее личный допрос в соответствии с подпунктом “d” пунктом 3 статьи 6 Конвенции.

160. Более того, Суд отмечает, что при рассмотрении уголовного дела судьей М. (2 июля 2009 г.) сторона защиты возражала против оглашения показаний С.Д., полученных на стадии предварительного расследования (см. пункт 87 выше). Судья М. начал рассмотрение дела сначала, и именно он вынес оспариваемый приговор. Таким образом, не важно, что в предыдущем разбирательстве при председательстве судьи 3. сторона защиты согласилась на оглашение показаний С.Д., данных ранее.

161. Власти не сослались на какие-либо другие моменты разбирательства, когда сторона защиты отказалась от права допросить С.Д. Суд пришел к заключению, что сторона защиты не отказывалась от права на допрос С.Д. лично в суде.

(ii) Причины неявки С.Д. в суд и ее важность в качестве свидетеля

162. Суд напоминает, что суд первой инстанции имел в своем распоряжении только письменно зафиксированные показания С.Д. Эти показания были получены органами следствия без участия стороны защиты.

163. Согласно позиции судьи М., который рассматривал дело и вынес оспариваемый приговор, С.Д. не смогла явиться в судебное заседание по причине нестабильного психического состояния. Суд отмечает, что на самом деле С.Д. страдает психическим расстройством, которое предположительно связано с действиями заявительницы и М.С. Суд признает, что интересы свидетеля и, в частности, физическая и психическая целостность предполагаемой потерпевшей, являются важными факторами, которые иногда могут стать причиной ограничения прав стороны защиты, предусмотренных в подпункте "d" пункта 3 статьи 6. Решение судей не вызывать в суд С.Д. для дачи показаний основывалось на двух медицинских справках, выданных в январе 2006 г. и в марте 2007 г., в которых указывалось, что ее явка в суд не рекомендуется, поскольку может спровоцировать ухудшение здоровья (см. пункты 58 и 88 выше). Таким образом, решение судьи не вызывать С.Д. для дачи показаний лично основывалось на известных фактах по делу и было подкреплено заключением врачей. Суд готов признать, что рассматриваемое решение не было произвольным (см. *"Вронченко против Эстонии"* (*Vronchenko v. Estonia*), № 59632/09, §§ 62 и 63, 18 июля 2013 г., в контексте допроса несовершеннолетней потерпевшей о сексуальном насилии).

164. Более того, Суд считает, что показания С.Д. не представляли собой решающих доказательств против заявительницы. Так, защита не отрицала, что С.Д. принимала участие в программах, как она описывала, и что после этого у нее появились проблемы со здоровьем. Защита также не оспаривала представленное С.Д. описание деятельности и мероприятий, в которых она участвовала. То есть, как представляется, защита не пыталась оспорить основные моменты показаний С.Д. Их версия построена на других аргументах, касающихся рассмотрения медицинских вопросов (а именно, наличие причинно-следственных связей между психическим расстройством С.Д. и ее участием в программе) и правовых вопросов (определение "медицинского" характера практик, используемых в организации).

Маловероятно, что С.Д., будучи непрофессионалом, могла бы прояснить какой-либо из этих моментов. Соответственно, Суд не считает, что показания С.Д. являются "единственными и решающими" доказательствами против заявительницы (см. *Аль-Хаваджа и Тахери (Al-Khawaja and Tahery)*, § 152, и сравните с делом *Вронченко (Vronchenko)*, § 59, оба указаны выше).

165. При данных обстоятельствах и, в частности, учитывая низкий уровень важности показаний С.Д. в качестве свидетеля, Суд готов сделать вывод о том, что ее отсутствие в суде не навредило стороне защиты каким-либо существенным образом, и было необходимым в свете реальной обеспокоенности ее здоровьем. Таким образом, подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции нарушен не был.

2. Трактовка заключения экспертов

166. Заявительница также жалуется на приобщение и рассмотрение "заключений экспертов" судом первой инстанции. Она утверждает, что заключения экспертов со стороны обвинения были приняты на рассмотрения районным судом, а заключения и мнения экспертов, предложенных стороной защиты, были признаны недопустимыми доказательствами. Она также жалуется, что сторона защиты не смогла принять участие в подготовке экспертных заключений.

167. В ответ на эти жалобы Суд сконцентрируется на "показаниях экспертов" в широком смысле этого понятия, то есть, источники информации, которые не описывают конкретные факты по делу, а предоставляют научный, технический или другой аналогичный анализ этих фактов (что подпадает под концепцию «мнение как доказательство»). В то же время, Суд будет учитывать различие, которое существует в российской правовой системе, между "показаниями экспертов двух видов": заключениями "экспертов" и заключениями "специалистов", как письменными, так и устными (см. часть "Применимое национальное право" выше, пункт 111).

(а) Общие принципы

168. Суд напоминает, что свидетели и эксперты играют разную роль в разбирательстве и имеют разный статус. Последних нельзя полностью ассоциировать со свидетелями, по крайней мере, не для всех целей (см. *Ходорковский и Лебедев против России (Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia)*, №№ 11082/06 и 13772/05, § 711, 25 июля 2013). Анализируя, было ли необходимо присутствие эксперта в суде, Суд в первую очередь руководствуется принципами, закрепленными в понятии "справедливое судебное разбирательство" в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в частности, гарантиями "состязательного процесса" и "равноправия сторон".

Исходя из этого, некоторые подходы Суда к личному допросу "свидетелей" в соответствии с подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 бесспорно уместны в контексте рассмотрения заключения экспертов и могут применяться *mutatis mutandis*, учитывая различия в их статусе и роли (см. *Бёниш против Австрии* (*Bönisch v. Austria*), 6 мая 1985 г., § 29, Series A № 92, с последующими ссылками).

169. Изначально именно национальные суды решают, является ли конкретное доказательство формально допустимым (см. *Гарсия Руиз против Испании* (*Garcia Ruiz v. Spain*) [GC] № 30544/96, ECHR 1999-I, § 28). Аналогично, согласно статье 6, обычно не Суд определяет, является ли авторитетным конкретное экспертное заключение, которое имеет в распоряжении внутригосударственный судья (см. *Ходорковский и Лебедев* (*Khodorkovskiy and Lebedev*), выше, § 700). С некоторыми исключениями, общее правило заключается в том, что внутригосударственный судья имеет широкие полномочия в выборе между конфликтующими экспертными заключениями и выбирает то, которое он или она посчитает последовательным и объективным. Однако правила о допустимости доказательств могут иногда противоречить принципам равноправия сторон и состязательности процесса или другим образом повлиять на справедливость разбирательства (см., например, *Тамминен против Финляндии* (*Tamminen v. Finland*), № 40847/98, §§ 40-41, 15 июня 2004). Применительно к заключениям эксперта, правила о допустимости не должны лишать сторону защиты возможности эффективно его оспорить, в частности, предъявив или получив альтернативные мнения или заключения. В определенных обстоятельствах отказ в альтернативном экспертном изучении вещественных доказательств может считаться нарушением пункта 1 статьи 6 (см. *Стоименов против "бывшей Югославской республики Македония"* (*Stoimenov v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), № 17995/02, §§ 38 и далее, 5 апреля 2007).

(б) Применение к настоящему делу

170. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что второй приговор, то есть приговор районного суда, согласно которому заявительница была признана виновной, основывается на нескольких экспертных заключениях, а именно, заключение от 27 июля 2003 г. (№ 1170), заключение от 19 ноября 2003 г. (№ 197), заключение от 9 апреля 2004 г. (№ 36), и второе заключение д-ра Ив. от 1 апреля 2005 г. Свои выводы суд также основывает на протоколе проведенного следователем допроса д-ра Иг..

171. Кроме этого, суд полагался на устные показания экспертов г-на Ч. и г-жи Н. а также на историю болезни С.Д.

172. Заключение эксперта, предъявленные суду стороной обвинения, касались двух ключевых вопросов по делу (1) пострадала ли С.Д. физически или психически в результате посещения программ ассоциации, и (2) являются ли эти программы "медицинскими" по своему характеру. Заключение № 1170 от 25 июля 2003 года касалось первого вопроса, в заключениях №№ 197 и 36 (от 19 ноября 2003 г. и 9 апреля 2004 г. соответственно) были затронуты оба аспекта. Другие заключения, полученные следователем, в основном охватывали вопрос № 2.

(i) Каким образом было получено заключение эксперта о психическом состоянии С.Д.

173. Суд отмечает, что все заключения эксперта, на которых основывается постановление, были получены следователем на этапе предварительного следствия. Если следователь назначает экспертизу, статья 198 УПК предоставляет стороне защиты право на участие в ее подготовке, которое заключается в предложении назначить того или иного эксперта, а также поставить вопросы к ним, и т.д. То, что сторона защиты может играть определенную роль в подготовке экспертизы на такой ранней стадии, является важной процессуальной гарантией (см. пункт 120 выше). Однако такой вариант не был доступен стороне защиты, поскольку заключения экспертов были получены до того, как заявительница получила статус обвиняемой по уголовному делу (см. пункты 19 и 34 выше). К тому времени, когда заявительница формально стала обвиняемой, следователь уже получил несколько заключений, а именно, заключения №№ 1170, 197, и 36, на которые делались ссылки в приговоре, а также два заключения, которые не были упомянуты в приговоре: заключение д-ра А. (от 5 мая 2004 г.) и первое заключение д-ра Ив. (от 23 ноября 2004 г.).

174. Суд отмечает, что сторона защиты попыталась назначить дополнительное экспертное исследование пострадавшей (см. пункт 48 выше). Однако в этом случае следователь вынес постановление, смысл которого сводился к отсутствию необходимости в проведении дополнительных экспертиз.

175. В целом, когда началось судебное разбирательство, суд имел в распоряжении только заключения экспертов, полученные стороной обвинения без участия стороны защиты. Само по себе это не противоречит Конвенции, если только в судебном разбирательстве сторона защиты имела достаточно процессуальных средств для рассмотрения таких доказательств и эффективного их обжалования перед судом.

(ii) *Каким образом было рассмотрено в суде заключение эксперта о психическом состоянии С.Д.*

(a) *Отсутствие возможности у стороны защиты допросить основного эксперта со стороны обвинения*

176. Суд напоминает, что оценка психического состояния С.Д. была дана в заключении № 1170. Это единственное заключение, основанное на личном осмотре предполагаемой потерпевшей, все последующие экспертизы были основаны только на документах из материалов дела. Таким образом, доказательная ценность заключения № 1170 является очень высокой.

177. Суд признает, что сторона защиты была достаточно ознакомлена с содержанием заключения и, следовательно, могла оспорить выводы эксперта в суде. Однако права стороны защиты этим не ограничиваются. Устоявшаяся судебная практика Суда свидетельствует о том, что сторона защиты имеет право на изучение и оспаривание не только заключения эксперта как такового, но также компетентности тех, кто его подготовил, при помощи непосредственного допроса (см, среди прочих авторитетных источников, *Брандстеттер против Австрии (Brandstetter v. Austria)*, 28 августа 1991 г., § 42, Series A № 211; *Дорсон против Нидерландов (Doorson v. the Netherlands)*, 26 марта 1996 г., §§ 81-82, Сборник постановлений и решений 1996-II; и *Мирилашвили против России (Mirilashvili v. Russia)*, № 6293/04, § 158, 11 декабря 2008 г.).

178. Заключение № 1170 было подготовлено тремя экспертами. Один из них, д-р Гул., не давал показаний в суде по неизвестным причинам. Еще один член экспертной комиссии, д-р Н., ндавал показания лично перед судьей М. Однако, как следует из его устных показаний в суде, он убежден, что экспертная группа не имела достаточно информации о характере и истории болезни С.Д., а выводы заключения № 1170 основываются на предположениях. В ходе второго судебного разбирательства данный эксперт выразила мнение, что необходима еще одна психиатрическая экспертиза С.Д. с тем, чтобы восполнить пробелы, имеющиеся в первом заключении (см. пункты 60 и 93 выше). Таким образом, Суд приходит к выводу, что устные показания док. Н. не подтвердили версию обвинения в достаточной степени, а даже наоборот говорили об обратном.

179. При таких обстоятельствах для стороны защиты было особо важно лично допросить д-ра Иг. - единственного эксперта, которая при допросе следователя четко заявила, что, по ее мнению, между психическим расстройством С.Д. и ее участием в программах ассоциации существует прямая причинно-следственная связь (см. пункт 61 выше). Кроме этого, Суд обращает внимание на то, что д-р Иг. была докладчиком в экспертной комиссии, которая подготовила

заключение № 1170. Таким образом, допрос ее лично был особо важным для толкования выводов заключения.

180. Суд отмечает, что д-р Иг. не явилась в суд во втором этапе судопроизводства (см. пункты 61 и 89 выше). Как следует из протокола судебного заседания, сторона защиты настаивала на том, чтобы д-р Иг. была допрошена лично, однако по причинам, которые не возможно установить из протокола судебного заседания, суд посчитал это "невозможным". Учитывая отсутствие дальнейших пояснений властей по этому вопросу и в виду краткости записи в протоколе судебного заседания, Суд пришел к заключению, что судья М. не проверил причины отсутствия д-ра Иг., и было ли возможно обеспечить ее явку и допрос в суде. Суд отмечает, что на первом этапе разбирательства д-р Иг. также не была допрошена. Это объяснили тем фактом, что она собиралась переезжать в другую страну (см. пункт 61 выше). Однако д-р Иг. могла принять участие в допросе, по крайней мере, до 29 марта 2007 г. Когда суд принял решение огласить ее предыдущие показания (27 марта 2007 г.), она все еще находилась в стране. Таким образом, была возможность допросить этого свидетеля на первом этапе разбирательства, но органы власти ею не воспользовались. В конечном итоге, Суд отмечает, что сторона защиты не смогла допросить д-ра Иг. на этапе предварительного расследования, снова по неизвестным причинам.

181. При этих обстоятельствах Суд считает, что отсутствие д-ра Иг. в судебном разбирательстве является серьезной помехой для стороны защиты.

(б) Отсутствие возможности у стороны защиты добиться проведения новой экспертизы в отношении С.Д. через суд

182. Суд отмечает, что допрос экспертов в суде не является единственным средством, при помощи которого сторона защиты могла оспорить заключение № 1170. Еще один способ, доступный для защиты, заключается в назначении новой экспертизы С.Д. судом. Сторона защиты ходатайствовала об этом 7 декабря 2009 г. (см. пункты 95 и далее). В поддержку своего ходатайства они ссылались на мнения д-ра Н. и д-ра Ч., которые давали показания в суде ранее в этот день и предположили, что еще одна психиатрическая экспертиза предполагаемой потерпевшей была бы целесообразна (см. пункт 93 выше). Однако суд отказал в назначении новой экспертизы.

183. Суд признает, что если сторона защиты просит суд о повторном рассмотрении определенного вопроса или предмета экспертом, или если сторона защиты пытается предъявить другое мнение по поводу определенных аспектов, именно национальный суд решает, принесет ли это пользу (см. *А. против Франции (H v. France)*, 24 октября 1989 г., §§ 60-61, Series A № 162-A). С другой стороны, Суд

оставляет за собой надзорные полномочия в этой сфере: в исключительных обстоятельствах необходимость получения другого экспертного мнения о важных аспектах дела может быть бесспорной, а отказ суда назначить экспертизу, которую требует сторона защиты, может сделать судебное разбирательство несправедливым (см., например, *Г.Б. против Франции* (*G.B. v. France*), № 44069/98, § 69, ЕСПЧ 2001-Х).

184. Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела, когда защита не принимала участия в подготовке изначальной экспертизы, основной эксперт со стороны обвинения не был допрошен стороной защиты (в открытом судебном заседании или иным образом), два других эксперта в этой области, которые давали устные показания в суде, рекомендовали проведение дополнительной психиатрической экспертизы С.Д., отказ внутригосударственного суда в назначении такой экспертизы является спорным. Такое заключение подкрепляется тем, что на первом этапе внутригосударственного разбирательства, в результате которого заявительница была оправдана, суд отказал использовать в качестве доказательства спорное заключение, которое было использовано против заявительницы на втором этапе разбирательства. Хотя судья во втором разбирательстве не был связан решением своего предшественника, безоговорочное использование этого заключения во втором разбирательстве без дополнительной проверки, рекомендованной двумя экспертами, является необоснованным.

(в) *Отсутствие возможности у стороны защиты представить другое заключение, подготовленное собственным экспертом*

185. В заключение, Суд отмечает, что у стороны защиты был еще один способ оспорить результаты заключения № 1170, а именно, представить заключение собственных экспертов (в противоположность экспертам, избранным стороной обвинения или судом).

186. Суд отмечает, что в 2006 г. сторона защиты запросила экспертное мнение Независимой психиатрической ассоциации России (НПА) и предъявила его суду в качестве "письменного заключения специалистов" (см. пункт 51 выше). В заключении НПА было раскритиковано заключение № 1170, и, следовательно, оно касалось вопроса, связано ли психическое расстройство С.Д. с ее участием в программе организации. Однако районный суд отказался приобщить к материалам дела заключение НПА (см. пункт 103) на том основании, что оно было получено в нарушение статей 58, 251 и 270 Уголовно-процессуального кодекса. Суд пояснил, что согласно закону, "сторона не вправе по своей собственной инициативе и вне судебного разбирательства ходатайствовать и получать мнение специалиста".

187. В этой связи Суд согласен с властями, что принцип "равноправия сторон", закрепленный в пункте 1 статьи 6, не требует, чтобы сторона защиты имела точно такие же права, как и сторона обвинения в части собирания доказательств. То, каким способом сторона защиты и сторона обвинения принимают участие в собирании доказательств, часто отличается (см. дело *Мирилашвили против России* (*Mirilashvili v. Russia*), указанное выше, § 225). Однако важно, чтобы эти различия не поставили сторону защиты в невыгодное положение по отношению к стороне обвинения. Порядок собирания доказательств и предъявления их в суде не должен лишать сторону защиты возможности пользоваться правами, предусмотренными в статье 6 Конвенции. В деле *Ходорковский и Лебедев против России* (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*) (№ 2), указанном выше, § 731, Суд обращает внимание на следующее:

“Может быть сложно оспорить заключение эксперта без помощи другого эксперта в соответствующей отрасли. Таким образом, одного лишь права стороны защиты на то, чтобы обратиться к суду с ходатайством о назначении экспертизы, недостаточно. Чтобы эффективно реализовать это право сторона защиты должна иметь такую же возможность предъявить собственное "заключение эксперта".

188. Суд отмечает, что в соответствии с российским законодательством сторона защиты не имеет тех же прав, что и сторона обвинения относительно того, что касается получения показаний экспертов. Необходимая "экспертиза" может быть назначена следователем (который является основным процессуальным оппонентом стороны защиты), или судом (см. краткое изложение статьи 57 УПК в пункте 111 выше). Сторона защиты имеет право только ходатайствовать о назначении экспертизы, предложить экспертов и вопросы для них (см. пункт 120 выше). Право назначать экспертизу, выбирать экспертов, предоставлять им аутентичные материалы и вещественные доказательства, а также формулировать вопросы, принадлежит следователю или судье. Факты настоящего дела свидетельствуют о том, что сторона обвинения или суд могут отклонить ходатайство о назначении дополнительной экспертизы в отношении лица или предмета без особых пояснений, поскольку, по их мнению, дело и так понятно (см., в частности, ответ следователя на такое ходатайство, процитированное в пункте 36 выше).

189. Как вариант, сторона защиты имеет право на помощь "специалистов" (см. пункты 121 и 122 выше). Однако из российского законодательства понятно, что статус "специалиста" отличается от статуса "эксперта". Хотя специалист может "объяснить сторонам и суду те вопросы, которые подпадают в его или ее профессиональную компетенцию", его основная роль - содействовать суду или сторонам в совершении следственных действий, которые требуют особых знаний

или навыков. Разница между "экспертом" *stricto sensu* и "специалистом" отчетливо прослеживается в Постановлении Пленума Верховного Суда № 28, краткое описание которого приведено в пунктах 125 и след. выше. Хотя данное постановление было вынесено спустя несколько месяцев после завершения судебного разбирательства в отношении заявительницы, оно интерпретирует те же правовые положения, которые были применены в деле заявительницы, и отображает то, каким образом Верховный Суд понимает статус "специалиста" в соответствии с УПК. Следовательно, мнение "специалиста" не может заменить комплексную экспертизу по вопросу, проведенную экспертом (см. пункт 1 постановления Пленума). Специалист не может изучать вещественное доказательство непосредственно; он может только выразить "мнение", тогда как эксперт делает "выводы" (см. пункт 20 постановления). Если необходима экспертиза сложного технического средства или оценка научного вопроса, суд должен назначить "эксперта", а не "специалиста". В целом, несмотря на то, что мнения "специалистов" и "экспертов" могут быть использованы в качестве доказательств, и оба могут быть профессионалами в определенной отрасли, роль специалиста и весомость его мнения, согласно позиции Верховного Суда, не является идентичной роли и весомости заключения "эксперта".

190. И последнее, предполагая, что "экспертное заключение", предъявленное стороной обвинения, может быть уравновешено мнением "специалиста", непонятно, могла ли сторона защиты, в обстоятельствах настоящего дела, предъявить такое доказательство в суде. В отношении допроса "специалистов", Суд отмечает, что НПА - это экспертное учреждение, расположенное в Москве, а судебное разбирательство проходило в Хабаровске, находящимся за шесть тысяч километров. Следовательно, стороне защиты было бы тяжело и неудобно обеспечить личную явку "специалистов" в суд. Кроме этого, специалист должен явиться по вызову следователя или суда (см. пункт 114 выше), тогда как у него нет такого обязательства, если его допроса требует сторона защиты.

191. Единственным вариантом было предъявление письменного заключения НПА, чтобы оспорить «заключения экспертиз», представленные стороной обвинения. Однако суд первой инстанции признал заключение НПА недопустимым доказательством на том основании, что оно было предположительно получено в нарушение применимых процессуальных норм. В поддержку этого заключения судья М. сослался на три положения УПК: статьи 58, 251 и 270 (см. пункт 103 выше). Судья М. не объяснил, каким образом были нарушены эти положения. Суд, со своей стороны, не понимает, почему данные нормы препятствовали суду в принятии письменного

заключение НПА в рамках данного уголовного дела. Так, статья 58 явно не запрещает стороне защиты требовать и получать письменные мнения "специалистов", по. Статьи 251 и 270 напрямую не применяются, поскольку они касаются личного допроса специалиста, а не рассмотрения его письменного заключения.

192. С другой стороны, Суд отмечает, что судья М. постановил, что "сторона не может по своей собственной инициативе вне рамок судебного процесса назначать и получать мнение специалиста". Действительно, пункт 3 статьи 53 УПК ссылается на статью 58, которая, в свою очередь, ссылается на статьи 168 и 270 УПК, которые регулируют участие специалистов по ходатайству стороны обвинения или суда. Тяжело понять, как статья 58 УПК согласуется с пунктом 3 статьи 53 и статьей 86, а также подпунктом 4 пункта 3 раздела 6 Закона об адвокатской деятельности 2002 года (см. пункты 122 и 123 выше), которые предусматривают, что сторона защиты может прибегать к услугам специалиста в рамках производства по уголовному делу. Тем не менее, в задачи Суда не входит объяснение, как следует трактовать национальное право *in abstracto*. Видимо судья М. истолковал нормы УПК как запрещающие стороне защиты получать письменные заключения специалистов, кроме как через следственные органы или через суд. Таким образом, сторона защиты не смогла получить и предъявить заключение "специалистов", чтобы оспорить предъявленные суду стороной обвинения письменные заключения "экспертов".

(б) *Общая оценка рассмотрения экспертного заключения о влиянии программы на психическое состояние С.Д.*

193. Суд обращает внимание, что отличие между процессуальными статусами "специалиста" и "эксперта" в российском праве в любом случае не приводит к нарушению пункта 1 статьи 6. Кроме этого, по общему правилу, национальный законодатель имеет право устанавливать определенные правила относительно того, как сторона защиты может собирать и предъявлять собственные экспертные доказательства в суде.

194. Однако в настоящем деле это отличие в совокупности с другими препятствиями, с которыми столкнулась сторона защиты в ходе судопроизводства в связи с экспертными заключениями, ставит ее в невыгодное положение по отношению к стороне обвинения. Суд напоминает, что экспертное мнение и, в частности, заключение № 1170, играет основную роль в версии стороны обвинения. Ключевой эксперт со стороны обвинения, д-р Иг., не была допрошена стороной защиты. Сторона защиты не принимала участие в процессе получения экспертных заключений на этапе следствия. Следственные органы и суд отказали без детальных формулировок в назначении

дополнительных экспертиз вопреки мнению двух экспертов, которые были допрошены в суде, и позиции суда в ходе первого разбирательства. И, в конечном итоге, сторона защиты практически не имела возможности оспорить эти заключения, представив свои противоположенные доказательства. Сторона защиты могла прибегнуть лишь к помощи "специалистов", статус которых ниже, чем статус "экспертов", и, кроме этого, суд отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты о приобщении письменных заключений "специалистов" к материалам уголовного дела, вместе с тем обвинительное заключение и приговор были основаны на письменных заключениях "экспертиз", назначенных следователем на этапе предварительного расследования.

195. Суд приходит к выводу, что относительно получения и рассмотрения экспертных заключений о психическом состоянии С.Д., сторона защиты находилась в невыгодном положении по отношению к стороне обвинения, что не согласуется с требованиями принципа равноправия сторон, закрепленного в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

(iii) Рассмотрение экспертных заключений о "медицинском" характере программ ассоциации

196. Теперь Суд обращается к заключениям, которые касаются второго вопроса в настоящем деле, а именно, является ли деятельность ассоциации "медицинской" по своему характеру.

197. Суд отмечает, что рассмотрение этой группы экспертных заключений имеет такие же недостатки, как и рассмотренные выше. Таким образом, первые четыре исследования программ ассоциации (заключения №№ 197 и 36, первое заключение д-ра Ав. и заключение д-ра А.) были проведены без участия и даже без ведома стороны защиты. С другой стороны, по второй группе заключений сторона защиты находилась, так или иначе, в лучшем положении по следующим причинам.

198. Во-первых, Суд отмечает, что сторона защиты была уведомлена о назначении последней экспертизы, проведенной д-ром Ив., в результате которой было составлено заключение от 1 апреля 2005 г. (см. пункт 37 выше). Следовательно, сторона защиты могла воспользоваться своим правом, предусмотренным в статье 198 УПК. Даже если соблюдение этих прав зависело от следователя, сторона защиты могла хотя бы попытаться попросить следователя задать эксперту дополнительные вопросы или назначить другого эксперта.

199. Во-вторых, Суд отмечает, что в ходе второго разбирательства судья М. заслушал устные показания одного из четырех экспертов, которые принимали участие в подготовке заключений №№ 197 и 36, на которых был основан приговор. Кроме этого, д-р Ив., которая подготовила экспертное заключение от 1 апреля

2005 года, не была допрошена лично. Однако из материалов дела непонятно, обращалась ли сторона защиты с просьбой о личном допросе отсутствующих экспертов (см. ситуацию с д-ром Иг., докладчиком экспертной комиссии, которая подготовила заключение № 1170, о вызове которой ходатайствовала сторона защиты). При этих обстоятельствах видно, что сторона защиты не посчитала их явку необходимой.

(а) Отсутствие возможности у стороны защиты предъявить иное заключение, выбранных ею экспертов

200. Тем не менее, Суд не убежден, что принцип равноправия сторон соблюдался в отношении второй группы экспертных заключений. Так, сторона защиты не смогла подвергнуть сомнению заключение д-ра Ив., предъявив суду альтернативное заключение проф. З. (в котором содержалось определение "медицинской деятельности" и, таким образом, оно было связано с вопросом № 2). Суд отказал в приобщении этого заключения к доказательствам по тем же причинам, по которым было отказано в приобщении заключения, подготовленного НПА (см. пункты 49 и 103 выше). Следовательно, у стороны защиты не было возможности "активно защищаться": они не могли предъявить письменные заключения, выбранных ими специалистов и, в любом случае, любое мнение "специалистов" было бы менее весомым, нежели мнение "экспертов".

(б) Исключение судом показаний д-ра А.

201. Наконец, в контексте второй группы экспертных заключений примечательно то, как следственные органы и суд поступили с экспертным заключением, подготовленным д-ром А. (см. пункт 29 выше). Суд отмечает, что экспертиза была назначена следователем на этапе предварительного расследования и поручена д-ру А. . Заключение д-ра А. было явно в пользу стороны защиты. Однако ни в одном из приговоров, вынесенных в настоящем деле, нет ссылок на это экспертное заключение. Видимо заключение д-ра А. или совсем не предъявляли суду, или суд его не учел. Суд считает, что в любом из вариантов органы власти нарушили фундаментальные принципы справедливого судебного разбирательства. В устоявшейся практике Суда установлено, что органы предварительного следствия обязаны предоставить стороне защиты "все материалы, которые имеются в их распоряжении, за или против подсудимого" (см., среди прочих авторитетных источников, "Эдвардс против Соединенного Королевства" (*Edwards v. the United Kingdom*), 16 декабря 1992, § 36, Series A № 247-B). Из этого правила допускаются некоторые исключения, но власти на них не ссылались. *A fortiori*, правило раскрытия доказательств в пользу обвиняемого требует, чтобы органы

предварительного следствия предоставляли такие доказательства на рассмотрение суда. Однако такое правило не имеет смысла, если судам позволительно оставлять такое доказательство без рассмотрения и даже не упоминать о нем в своих приговорах.

202. Суд также отмечает, что сторона защиты пыталась предъявить экспертное мнение д-ра А. в другой форме: следовательно, в ходе первого разбирательства, в результате которого заявительница была оправдана, его допросили в качестве "специалиста". Однако в последующем разбирательстве устные показания д-ра А. были исключены из доказательственной базы на том основании, что д-р А. уже принимал участие в суде в качестве "эксперта" (см. пункт 104 выше).

203. Правило об исключении недопустимых доказательств, примененное внутригосударственными судами в данных обстоятельствах, обозначало, что привлекая лицо в качестве "эксперта" органы предварительного следствия сделали невозможным его привлечение в качестве "специалиста" для стороны защиты. И если следственным органам не понравилось заключение их "эксперта", они свободно могли не ссылаться на него в суде. В результате заключение, подготовленное д-ром А. было признано недопустимым доказательством в суде, в какой-либо форме, в ущерб стороне защиты.

204. Исключение заключения д-ра А. из доказательственной базы является особенно неуместным в свете непоследовательного подхода суда к экспертным заключениям. Суд отмечает, что судья З., которому дело было возвращено судом кассационной инстанции, посчитал, что необходимо назначение дополнительной экспертизы по вопросу о "медицинском" характере деятельности ассоциации (см. пункт 82). Однако судья М., который приступил к рассмотрению дела после отвода судьи З., продолжил разбирательство без получения заключения экспертизы, которую назначил ранее судья М. (см. пункты 83 и далее выше).

205. Опять же, Суд не имеет достаточно полномочий указывать национальному судье наилучший ход действий. У судьи М. было несколько вариантов: например, он мог назначить новую экспертизу по данному вопросу, мог разрешить стороне защиты предъявить письменное заключение выбранных ими "специалистов" или мог рассмотреть письменное заключение д-ра А. или заслушать его устные показания. Вместо этого судья М. посчитал достаточным положиться на те письменные заключения экспертов со стороны обвинения, которые ранее были признаны недостоверными, недостаточными и недопустимыми, другим судьей, то есть, без их конструктивной оценки.

206. В целом, Суд приходит к заключению, что в части рассмотрения экспертных заключений о характере деятельности

ассоциации, сторона защиты оказалась в невыгодном положении по отношению к стороне обвинения, а процесс не был действительно состязательным. Эта ситуация противоречит требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(в) Краткое изложение заключений Суда в соответствии со статьями 6 Конвенции

207. Суд учитывает тот факт, что судья М. заслушал ряд свидетелей со стороны защиты, рассмотрел несколько экспертных заключений и изучил различные документы. Однако вопрос о том, соблюдалось ли "равноправие сторон" между защитой и обвинением, и был ли процесс "состязательным", нельзя рассматривать только в количественном выражении. В настоящем деле стороне защиты было тяжело подвергнуть сомнению экспертные заключения, представленные суду стороной обвинения. Суд отмечает, что обвинение заявительницы основывалось на этих экспертных заключениях. При этих обстоятельствах то, способ, которым были назначены, экспертизы и рассмотрены судом экспертные заключения, делает производство в отношении заявительницы несправедливым. Таким образом, Суду не следует рассматривать другие процессуальные нарушения, о которых заявила заявительница.

208. На основании вышеизложенного Суд пришел к заключению, что был нарушен пункт 1 статьи 6 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 7 КОНВЕНЦИИ

209. Заявительница жаловалась, что вынесение против нее обвинительного приговора не было предсказуемым и основывалось на правовых актах, принятых после событий, которые ежат в основе дела. Она ссылалась на статью 7 Конвенции, которая гласит следующее:

“1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами.”

210. Власти оспорили этот довод. Они утверждали, что уголовная ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности была четко закреплена в Уголовном кодексе.

Внутригосударственные суды, вынося обвинительный приговор в отношении заявительницы, ссылались на положения российского законодательства об охране здоровья граждан, которые действовали во время событий, которые легли в основу приговора.

211. Заявительница настаивала на своей жалобе.

212. Власти не выдвинули никаких формальных возражений против приемлемости этой жалобы. Суд также отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также Суд отмечает, что она не является неприемлемой на каких-либо других основаниях. Следовательно, ее необходимо признать приемлемой.

213. Возвращаясь к существу жалобы, Суд считает, что для решения того, можно ли квалифицировать действия, в осуществлении которых обвинялась заявительница, как "незаконная медицинская деятельность" - преступление, предусмотренное статьей 235 Уголовного кодекса, - суды должны были рассмотреть вопросы факта, в частности, связанные с характером деятельности ассоциации в соответствии с действовавшими правовыми нормами. Как указывалось выше, производство, в рамках которого суд рассматривал эти вопросы, требовало содействия профессионалов в этой отрасли, имело недостатки. Следовательно, признание заявительницы виновной не было бесспорным. При этих обстоятельствах, с учетом выводов о нарушении статьи 6, Суд посчитал, что не следует рассматривать отдельно, имело ли место нарушение статьи 7 Конвенции в связи с осуждением заявительницы.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

214. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”

А. Ущерб

215. Заявительница потребовала 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

216. Власти утверждали, что признание факта нарушения является само по себе достаточной справедливой компенсацией, "поскольку в этом случае приговор в отношении заявительницы будет пересмотрен в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом

Российской Федерации в рамках производства по исполнению постановления Суда”.

217. Суд считает, что возобновление производства по делу будет наиболее надлежащей мерой для восстановления права заявительницы в соответствии со статьей 6 Конвенции, и отмечает, что данная возможность предоставлена заявительнице национальным законодательством. Однако Суд не считает, что возобновление производства по делу само по себе является достаточной компенсацией при этих обстоятельствах, учитывая длительность уголовного производства и серьезность процессуальных нарушений, обнаруженных в настоящем деле. С другой стороны, Суд считает, что сумма, которую запрашивает заявительница, является чрезмерной. В свете имеющихся в распоряжении материалов и на пропорциональной основе Суд присуждает заявительнице 4 000 Евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым облагается эта сумма.

Б. Издержки и расходы

218. Заявительница также потребовала 500 000 российских рублей (приблизительно 11 350 евро) в качестве компенсации судебных издержек, понесенных в Суде. Она предоставила в Суд договор, заключенный 1 августа 2010 года с адвокатом Карповой, в котором предусмотрено, что часть этой суммы (90 000 российских рублей) подлежит оплате в течение шести месяцев после того, как дело будет коммуницировано Властям, а оставшаяся сумма - в течение двух лет после решения Суда о приемлемости. Согласно этому договору, заявительница также обязана отдельно покрыть транспортные расходы адвоката, почтовые расходы и переводческие услуги. Заявительница предоставила квитанцию об оплате, которая подтверждает получение 90 000 российских рублей ее адвокатом и 12 500 - переводчиком. Она также предоставила расчет расходов на поездки ее адвоката, который охватывает трехдневную поездку из Хабаровска в Страсбург.

219. Власти утверждают, что заявительница не предоставила документы, которые свидетельствуют о понесенных расходах. Относительно расходов, связанных с поездкой адвоката в Страсбург, они не были понесены "в действительности и по необходимости".

220. В соответствии с устоявшейся практикой Суда, заявительница имеет право на компенсацию расходов и издержек, только если было доказано, что они были понесены в действительности и по необходимости и являются разумными. В настоящем деле Суд отклоняет требование о возмещении транспортных расходов, поскольку поездка адвоката в Страсбург не была необходимой. Кроме этого, Суд отмечает, что адвокат заявительницы не указала свои

почасовые/дневные ставки, не предоставила детальное описание проделанной работы и потраченного на это времени. В настоящем деле, учитывая имеющиеся в распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает разумным выплатить 4 000 Евро, которые покрывают расходы по всем пунктам, а также любые налоги, которыми может облагаться эта сумма.

В. Проценты за просроченный платеж

221. Суд считает целесообразным, чтобы проценты за просроченный платеж основывались на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой необходимо добавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Признает* единогласно жалобу приемлемой;
2. *Постановляет* единогласно, что был нарушен пункт 1 статьи 6 Конвенции в связи с несправедливым рассмотрением экспертных заключений в суде;
3. *Постановляет* шестью голосами против одного, что подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции нарушен не был, в связи с неявкой С.Д. в суд;
4. *Постановляет* пятью голосами против двух, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу в соответствии со статьей 7 Конвенции.
5. *Постановляет* единогласно,
 - (a) что государство-ответчик обязано выплатить заявительнице, в течение трех месяцев с даты вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы, которые конвертируются в российские рубли по курсу, действующему в момент уплаты:
 - (i) 4 000 евро (четыре тысячи евро), плюс налоги, которыми может облагаться эта сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 4 000 евро (четыре тысячи евро), плюс налоги, которыми может облагаться эта сумма, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

ра Ив. основывается на законодательстве, которое вступило в силу после событий, вменяемых заявительнице. То же произошло и с заключениями других экспертов, которые также полагались на аналогичные положения *ex post facto*, придя к своим, хотя и противоположным, результатам.

11. Очевиден вывод - административно-правовые нормы, действовавшие в период рассматриваемых событий, были недостаточными для того, чтобы на их основе можно было сформулировать состав преступления, и суд, рассматривающий дело повторно, не должен был ссылаться на *ex post facto* положения, которые не имели обратной силы, но кроме этого и сами по себе подвергались противоречивым толкованиям. Коротко говоря, определяя деятельность ассоциации и подсудимой в качестве "медицинской", требующей получения лицензии, суды расширили рамки предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации преступления до деяний, которые ранее уголовными правонарушениями не являлись. По указанным выше причинам заявительница совершенно не могла предусмотреть, что ее действия станут уголовным правонарушением в форме "осуществления незаконной частной медицинской деятельности или частной фармацевтической деятельности" в соответствии с Уголовным кодексом, который дополнен административными положениями, действующими в период рассматриваемых событий⁵. Следовательно, заключение, к которому пришел суд первой инстанции в приговоре от 27 июля 2007 года, было абсолютно правильным: для обвинения заявительницы просто отсутствует правовое основание.

Отказ от сроков давности в уголовном праве

12. Усугубляет отсутствие четкости уголовной правовой системы то, что срок давности наказания истек, а заявительницу все равно обвинили и осудили. Пункт 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что если подсудимый возражает против прекращения разбирательства из-за истечения сроков давности, предусмотренных в пунктах 1-3 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса, разбирательство должно продолжаться, и суд должен вынести решение по делу по существу. Правовое толкование пункта 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса непонятно в части того, могут ли суды выносить приговор по уголовному делу, кроме признания лица виновным. Наиболее важные комментарии Уголовно-процессуального кодекса не

⁵ См., *mutatis mutandis*, *Лиувик против Эстонии* (*Liivik v. Estonia*), выше, §§ 100-104.

являются однозначными по этому пункту: если лицо было признано виновным во вменяемом правонарушении, некоторые комментаторы утверждают, что суды не могут избирать меру наказания осужденному, тогда как другие говорят, что у судьи есть выбор выносить или не выносить приговор, тем самым предоставляя судьям неограниченные полномочия, что неприемлемо согласно принципу законности. Прецедентная практика в этом отношении также неоднозначна. Из-за отсутствия четкости в законе и неограниченных полномочий, предоставленных суду в применении этого закона, заявительница не была заранее предупреждена, как того требует принцип законности, о том, какие последствия для нее возникнут в результате отказа от исковой давности, и что она не сможет принять должное осознанное решение в отношении отказа от своих прав. Хотя она могла иметь некоторое понимание того риска, с которым она сталкивается, отказавшись от исковой давности, уровень риска был совершенно непредсказуемым. Принципы предварительного уведомления и ограничения официальных полномочий, как закреплено в принципе законности в соответствии с пунктом 1 статьи 7 Конвенции, должны считаться минимальными требованиями для поддержания верховенства права.

13. Кроме этого, решение, предусмотренное в пункте 2 статьи 27 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, само по себе предосудительное с точки зрения прав человека. Отказ подсудимого от его или ее законного права на прекращение погашенного давностью производства по уголовному делу является добровольным обращением в суд первой инстанции, которое может произойти в любое время в будущем, несмотря на применимый закон о сроке исковой давности. Практический результат заключается в том, что любое лицо может согласиться, чтобы его осудили и наказали за какое-либо преступление, даже за мелкие правонарушения, совершенные давно, когда уголовное обвинение и приговор уже не служат какой-либо законной цели, никакие психологические потребности не оправдывают наказание, а доказательства могли уже и исчезнуть. На наш взгляд, такой отказ *per se* не соотносится с Конвенцией, поскольку он отменяет как процессуальную цель, так и смешанную - существенную и процессуальную - природу исковой давности.

14. Срок исковой давности заключается в аннулировании правонарушения, который лишает государство юрисдикции преследовать, судить, осуждать и выносить приговор в отношении предполагаемого нарушителя. Срок исковой давности в уголовном праве создан не только для предотвращения уголовных преследований, основанных на фактах, которые стали неясными с

течением времени, но также определяет временные рамки, за пределами которых возникает неопровержимая презумпция, в результате уголовного деяния больше не возникает угроза обществу, а праву подсудимого на справедливое судебное слушание будет нанесен ущерб. Таким образом, его оценка является существенной предпосылкой права государства на уголовное преследование нарушителей и наказание уголовного поведения. Эта предпосылка касается основания государственного независимого полномочия наказывать и, следовательно, связана с существом дела, а не только с его приемлемостью.

15. Изначальный подход Суда к вопросу о характере срока исковой давности является нерешительным. В деле *Коеме и другие против Бельгии (Coëme and Others v. Belgium)*⁶, вопрос о том, будет ли нарушена статья 7 Конвенции, если закон продлит срок исковой давности после его истечения, остался открытым, хотя Суд признал законность правового акта, который продлевала срок исковой давности, если бы он вступил в силу до истечения срока исковой давности. В деле *Превити против Италии (Previti v. Italy)*⁷ Суд истолковал параграф из дела *Коеме и другие (Coëme and Others)*, как-будто в нем утверждалось, что срок исковой давности имеет исключительный процессуальный характер и не был предусмотрен в статье 7. Но от этого подхода отказались в деле "К.-Х.В. против Германии" (*K.-H.W. v. Germany*) [GC] и "Кононов против Латвии" (*Kononov v. Latvia*) [GC]⁸. Настоящий подход Суда является четким и однозначным. Можно подытожить следующее: срок исковой давности с равной силой соседствует с условиями существования уголовного правонарушения и, следовательно, разделяет существенную природу составляющих элементов правонарушения с логическим последствием полной применимости статьи 7, в том числе запрет обратной силы применения уголовных законов в более жесткими положениям относительно срока исковой давности в ущерб подсудимому. Следовательно, срок исковой давности в свете Конвенции является смешанным по своей природе, поскольку является и процессуальным, и существенными одновременно.

16. Вышеизложенное понимание срока исковой давности имеет разные правовые последствия. Во-первых, суды имеют полномочия и даже обязаны выносить решения о применимости

⁶ *Коеме и другие против Бельгии (Coëme and Others v. Belgium)*, №№ 32492/96, 32547/96, 32548/96, 33209/96 и 33210/96, §§ 149-150, ЕСПЧ 2000 VII.

⁷ *Превити против Италии (Previti v. Italy)* (реш.), № 1845/08, §§ 80-85, 12 февраля 2013 г.

⁸ *К.-Х.В. против Германии (K.-H.W. v. Germany)* [GC], № 37201/97, §§ 107-112, 22 марта 2001 г., и *Кононов против Латвии (Kononov v. Latvia)* [GC], № 36376/04, §§ 228-233, 17 мая 2010 г.

сроков исковой давности по своему побуждению ввиду первоочередных стратегических государственных причин для утверждения срока исковой давности. Во-вторых, поскольку срок исковой давности связан с правом государства на уголовное преследование, осуждение, обвинение и вынесение приговора в отношении граждан, принцип законности полностью применим к его режиму. Основания для ограничения, прекращения или приостановки действия срока давности и какие-либо исключения или продления срока исковой давности являются законодательной ответственностью, и не могут определяться судом или подлежать воздействию подсудимого. В-третьих, от срока исковой давности нельзя отказаться: течение срока исковой давности лишает суда полномочия слушать дело и наказывать подсудимого, и отказ подсудимого не служит обязательной юрисдикцией. В государстве, руководствующемся верховенством права и правами человека, уголовная юрисдикция не может присваиваться суду односторонним действием подсудимого. Какое-либо наказание за погашенное давностью деяние или бездействие, даже если он или она выразили желание предстать перед судом, является не только безоговорочно непропорциональным, но также нарушающим требования принципа законности. Срок исковой давности - это не только средство, освобождающее от ответственности, от которого можно отказаться, но и существенная гарантия рационального использования государственного полномочия по обеспечению уголовного права.

Вывод

17. В целом, мы полагаем, что заявительница была не только лишена своего права на оспаривание экспертного заключения и была, следовательно, несправедливо осуждена; но ее также приговорили в соответствии с неопределенной и ретроспективной правовой системой. Правосудие бы потребовало наложить вето на эту процедуру, а не оставило бы открытой дверь для продолжения этого необоснованного разбирательства по уголовному делу. Соответственно, мы пришли к заключению, что статья 7 Конвенции была грубо нарушена и, следовательно, не согласны с решением не рассматривать эту жалобу.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ

1. Кроме нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции я признаю, что был также нарушен подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека (Конвенция) в результате несправедливого рассмотрения свидетельских показаний в соответствующем разбирательстве по уголовному делу. Несправедливость рассмотрения экспертных заключений усугубляется дополнительным отсутствием перекрестного допроса предполагаемой потерпевшей как в ходе первого, так и второго разбирательства.

2. Предполагаемая потерпевшая не была заслушана в суде, так как ее показания были зачитаны в открытом судебном заседании в ходе первого и второго судебных разбирательств. Поскольку она уведомила суд перед вторым судебным процессом, что она достигла примирения с обвиняемыми и даже забрала свою жалобу, в случае ее встречи с подсудимой во время судебного слушания ей не угрожала бы ни психологическая, ни физическая опасность. Тогда как две медицинские справки, выданные 19 января 2006 года и 22 марта 2007 года, которые гласят, что ее явка в суд не рекомендуется, поскольку может спровоцировать "обострение", возможно, могло оправдать ее отсутствие во время первого судебного разбирательства, вероятно, они не могли обосновать решение суда не вызывать С.Д. для дачи показаний во втором судебном разбирательстве в июне 2009 года, более чем два года спустя, когда суд получил новую информацию о состоянии ее психики и отношениях с подсудимой. Упоминание неопределенных источников информации, такое как "информация получена" (пункт 88) судом первой инстанции является последним доказательством произвольности решения, которое лишено каких-либо достоверных фактических или правовых оснований.

3. Кроме этого, перекрестный допрос предполагаемой потерпевшей был чрезвычайно важен, учитывая тот факт, что вменяемое правонарушение касалось допущенного по небрежности вреда жертвам незаконной частной медицинской деятельности или частной фармацевтической деятельности. Суд первой инстанции должен был определить, пострадала ли потерпевшая от какого-либо психологического или физического вреда в период рассматриваемых событий с апреля по июнь 2002 года, и, если да, был ли этот вред вызван деятельностью заявительницы. Об уголовном вреде и причинно-следственной связи можно и нужно было утверждать на основании прямых показаний предполагаемой потерпевшей в суде. Ни внутригосударственные суды, ни тот единственный эксперт (д-р Ив.), заключение которой было использовано внутригосударственными

Э.Д. (брата предполагаемой потерпевшей), данных в ходе первого разбирательства, а также на протоколе допроса Э.К., О.Л., Э.Б., И.Г. и других, которые провел полицейский следователь на этапе расследования или в суде первой инстанции. Все дело против подсудимой основывалось на непроверенных показаниях потерпевшей, подтвержденных единственным экспертом, которая никогда не видела потерпевшую и не была допрошена в суде, а также других свидетелей, которые также не были подвергнуты перекрестному допросу в суде второй инстанции. Прямо говоря, основа версии стороны обвинения была не просто слабой, она вообще отсутствовала. Любой суд общей юрисдикции отклонил бы версию обвинения на основании отсутствия достоверных доказательств, как это сделал суд первой инстанции.

7. Вышеизложенные факты наталкивают на размышления общего характера. Принцип справедливого судебного разбирательства и принцип перекрестного допроса требуют, чтобы доказательственные показания были предъявлены судье, которые несет ответственность за вынесение приговора. Оценка достоверности этих доказательств зависит от непосредственного восприятия судьи. Непосредственность отношений между судьей и показаниями (или *Unmittelbarkeitsprinzip*, как это называется в немецкой доктрине) является составляющим элементом состязательного процесса, который заложен в понятие справедливого судебного разбирательства. Таким образом, по общему правилу, суд первой инстанции может не основывать осуждение в уголовном порядке на доказательственных показаниях, полученных до суда, даже если доказательства были получены в ходе предыдущего разбирательства в том же или другом суде, а его постановление было отменено и дело направлено на новое рассмотрение, независимо от того, отличается или нет состав суда первой и второй инстанции. *A fortiori*, это заключение применимо к доказательственным показаниям, которые были получены на досудебном этапе производства по уголовному делу. Очевидным последствием этого принципа является то, что доказательственные показания, полученные на досудебном этапе производства по уголовному делу или на этапе суда, в случае передачи дела на новое рассмотрение, могут считаться приемлемыми и использоваться в качестве основания в постановлении.

8. Чтобы полностью соответствовать принципу справедливого судебного разбирательства и принципу перекрестного допроса, необходим исчерпывающий правовой перечень оснований для оглашения показаний отсутствующего свидетеля в открытом суде, таких как смерть, физическая или психическая недееспособность, исчезновение, поездка за рубеж или потребность в защите жизни, безопасности или здоровья свидетеля. Кроме этого, перечень этих оснований должен отличаться от доказательств, предъявленных судье,

государственному прокурору или полиции. С целью состязательного и справедливого рассмотрения доказательства, доказательства, предъявленные полиции или прокурору не могут равняться доказательствам, предъявленным судье на досудебном этапе. Перечень оснований для оглашения показаний отсутствующего свидетеля в открытом суде должен быть более широким, когда судебные органы собирают доказательства, и менее широким, когда их собирают несудебные органы. С той же целью, при решении, можно ли огласить показания отсутствующего свидетеля, суды должны учитывать присутствие и отсутствие защитника на слушании свидетеля. Опыт показывает, что вмешательство защитника на более поздних этапах зачастую несвоевременно и может быть недостаточным для устранения недостатков предыдущего несостязательного слушания свидетеля. Перечень оснований для оглашения показаний отсутствующего свидетеля в открытом суде должен быть более широким, если защитник принимал участие или имел возможность участвовать в досудебном слушании свидетеля, и менее широким, если он или она не имел такой возможности.

9. Соответственно, правовой стандарт Суда, который был закреплен недавно в деле *Аль-Хаваджа и Тахери против Соединенного Королевства (Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom)* [GC], №№ 26766/05 и 22228/06, ECHR 2011, необходимо усовершенствовать на основе совместной оценки следующих критериев: (1) характер основания, в результате которого свидетель не может присутствовать в суде; (2) представитель власти, которому были даны предварительные показания свидетеля; (3) присутствие или отсутствие защитника на конкретном слушании; (4) наличие других механизмов, которые гарантируют право стороны защиты на опровержение справедливости получения показаний, надежности свидетеля и достоверности его или ее показаний; (5) весомость оглашения показаний свидетеля без перекрестного допроса в постановлении суда первой инстанции; и (6) отказ от права на перекрестный допрос отсутствующего свидетеля.

10. В общем, неоднократно отказывая стороне защиты в возможности оспорить доказательства стороны обвинения и, впоследствии, полагаясь на оглашение доказательственных показаний и экспертных заключений, полученных на досудебном этапе разбирательства или в ходе первого разбирательства вопреки четкому сопротивлению стороны защиты, суд второй инстанции лишил принцип перекрестного допроса какого-либо практического значения и полностью превратил постановление в фарс, когда обвинение заявительницы с самого начала разбирательства казалось самореализующимся пророчеством, подтвержденным каждым новым промежуточным решением, принятым в ущерб интересам стороны защиты и окончательному предсказуемому приговору подсудимой.

Кассационный суд не предоставил средств правовой защиты против такой вопиющей несправедливости.